

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**КРИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ
СОЦИОЛОГИИ**

Выпускная квалификационная работа по направлению 39.04.01 «Социология»

по уровню образования магистратура

Выполнена студентом
очной формы обучения
Сергеевым Василием Сергеевичем

Научный руководитель:
Доцент, кандидат философских наук,
Асочаков Юрий Валентинович

Санкт-Петербург

Оглавление

1	
Введение.....	3
2. Глава 1. Теоретические основы исследования	
2.1. §1. Второй социологический кризис и проблема структуро- агентности.....	
6	
2.2. §2. Концепция трансцендентального реализма Р. Бхаскара.....18	
3. Глава 2. Теория структурации Э. Гидденса и теория морфогенеза М. Арчер.	
3.1. §1. Т е о р и я с т р у к т у р а ц и и Э . Гидденса.....37	
3.2. § 2. Теория морфогенеза М. Арчер.....48	
4. Заключение.....	
64	
5.Список использованной литературы.....	
66	

Введение

За время существования социологии было предложено немало идей о том, как следует понимать социальную реальность. На основе этих идей и теоретических разработок вокруг них внутри научного сообщества сформировался некоторый консенсус, легитимировав деятельность ученых. Такой консенсус представляет собой, в общем виде, список ответов на вопросы о том, как следует понимать наблюдаемые социальные явления. В результате второго социологического кризиса 60-70х годов XX века научное сообщество лишилось своего основного интегрирующего и обеспечивающего консенсуса внутри научного сообщества элемента – структурного функционализма Т. Парсонса. Таким образом, появилась необходимость в теоретическом синтезе, который мог бы стать основой нового консенсуса. Первые попытки посткризисного метатеоретизирования (Н. Луман, Ю. Хабермас, Э. Гидденс) продемонстрировали смещение фокуса ученых с общества на социальные отношения, связи и коммуникацию. Все-таки такая форма функционирования науки – вокруг своей «большой теории» – была привычна для социологии, и от нее не готовы были отказаться. Сложилась ситуация, при которой метатеоретизирование как научная практика смогло пережить кризис, а общество как ключевой интерес социологов – нет.

Уход от понятия «общество» привел к тому, что онтологическая проблематика в социологии оказалась на сегодняшний день слабо проработана как в зарубежной, так и в отечественной научной литературе. За некоторым исключением, мы можем наблюдать откровенное игнорирование социологами разработки и заполнения данной теоретической «лакуны». По нашему мнению, онтологические вопросы имеют непосредственное отношение к развитию социологической теории, и недостаточное к ним внимание со стороны социологов поддерживает ситуацию, при которой социологическая теория не может сдвинуться с некоторой мертвой точки. Главная проблема, которую принес второй социологический кризис – дезинтеграция научного сообщества – так и осталась нерешенной на сегодняшний день. В сложившейся ситуации критический реализм оценивается нами как перспективное направление, поскольку он, под влиянием кризиса, онтологическую проблематику не только не оставил, но добился некоторых успехов в ее разработке как в рамках философии, так и в рамках социологии.

Актуальность темы можно свести к следующим основным пунктам: слабая проработанность темы; необходимость конкретизации проблемной ситуации; необходимость раскрытия потенциала общей социологической теории, разработанной в рамках направления критического реализма, в описании общих закономерностей в устройстве и развитии общества.

Объект исследования – в широком смысле, объектом исследования является направление критического реализма, однако особое внимание внутри этого направления будет уделено философской концепции трансцендентального реализма Р. Бхаскара как концепции, вокруг которой и сформировалось направление критического реализма, а также социологической теории морфогенеза М. Арчер, которая реализует и развивает основные положения критического реализма в рамках теоретической социологии.

Предмет исследования – если идти от классического определения предмета, согласно которому предмет – это некоторая существенная сторона объекта, интересующая исследователя, то в качестве предмета мы бы выделили реализацию основных положений критического реализма в теоретической социологии (на примере теории морфогенеза М. Арчер).

Цель – дать описание реализации основных положений направления критического реализма в социологической теории (на примере теории морфогенеза М. Арчер).

Для достижения поставленной цели сформулирован следующий список задач:

- сформулировать основные положения концепции трансцендентального реализма;
- провести сравнительный анализ концепции трансцендентального реализма с классическим эмпиризмом и трансцендентальным идеализмом;
- провести сравнительный анализ теории морфогенеза М. Арчер и теории структурации Э. Гидденса;
- дать оценку концепции трансцендентального реализма как основы для социологической общей теории; теории морфогенеза М. Арчер – как социологической теории в духе критического реализма.

Исследовательский вопрос: в какой степени мы можем говорить о социологической теории, использующей в качестве своей основы базовые положения критического реализма, как об общей социологической теории (на примере теории морфогенеза М. Арчер)?

Работа состоит из введения, первой главы, в которой рассматривается проблематика второго социологического кризиса и основные положения концепции критического реализма, второй главы, в которой рассматривается потенциал критического реализма для социологической теории, и заключения, в котором обобщаются результаты исследования.

Глава 1. Теоретические сюжеты исследования

§1. Второй социологический кризис и проблема структуры-агентности

Влияние второго социологического кризиса 60-70х годов XX века на социологическую теорию и научное сообщество не раз становилось предметом исследований историков социологии. В рамках этой обширной темы нас интересует два момента, а именно: практика метатеоретизирования и изменившееся отношение ученых к понятию «общество». Но прежде чем перейти к описанию их роли в рамках данной работы, мы считаем необходимым обратиться к самому кризису 60х-70х годов XX века и обстановке в социологической теории в период его развертывания.

В рамках данной работы мы будем опираться на определение основных характеристик второго кризиса в социологии, предложенных А. Гоулднером в книге «Наступающий кризис западной социологии» (1975). В своей работе А. Гоулднер фокусируется на описании процесса ослабления влияния структурного функционализма Т. Парсонса. По его словам, до событий конца 60х – начала 70х годов прошлого века, состояние теоретической социологии во многом определялось состоянием именно структурного функционализма Т. Парсонса. Однако, как я отметил во

введении, социологи, ввиду специфики основного предмета своего изучения, вынуждены подстраиваться под социальные изменения, происходящие в обществе в ходе его развития. Большинство социологов, мы полагаем, согласится с тезисом о том, что социальный мир характеризуется значительной степенью динамизма. Таким образом, изменения в его функционировании влекут за собой и изменения в трансформации социальной теории, которая стремится к – в научном смысле – точному и полному описанию его устройства. И когда структурный функционализм Т. Парсонса перестал быть способным описывать усложнившуюся социальную реальность послевоенного периода (речь идет о Второй мировой войне), новое поколение социологов отметило этот факт, в том числе, так называемыми студенческими бунтами в 1968 году. Эти бунты были направлены не столько на теорию их преподавателей, сколько на самих преподавателей, оккупировавших все основные должности. Но прежде чем углубиться в ситуацию, необходимо добавить краткую характеристику проблемы структуры/агентности.

Проблема структуры-агентности, о которой пойдет речь в данном параграфе, при всей своей разработанности на сегодняшний день, до сих пор обладает большим теоретическим потенциалом. Получаемые в рамках исследований ответы зависят от того, как был поставлен вопрос. Процесс постановки вопроса, в свою очередь, оказывается продиктован положениями той парадигмы, в рамках которой работает ученый. А процесс выбора парадигмы, вероятно, находится на стыке удовлетворенности ее аргументами об устройении социальной реальности и ценностных ориентаций ученого. В таком случае, мы не можем говорить о том, что социология свободна от ценностных суждений. И это не является ее недостатком, а, скорее, наоборот, поскольку, основываясь на научных принципах доказательства, ценностно обусловленные суждения социологов получают или не получают статус научного факта. Различие во взглядах обеспечивает конкуренцию в научном сообществе и, таким образом, способствует развитию науки.

Вопрос о том, что первично – индивид или общество – в той или иной форме всегда присутствовал в социологии. В рамках данной работы мы обратимся к такой его трактовке как проблема структуры/агентности. В дискуссии вокруг этой проблемы на данный момент мы можем выделить три основных подхода к ее рассмотрению:

1. Структура в полной мере детерминирует поведение индивида и его процесс принятия решений.
2. Индивид обладает агентностью и, таким образом, через социальное взаимодействие формирует и корректирует структуру и ее элементы.
3. Социальная структура и индивид находятся в отношениях взаимозависимости и оказывают влияние друг на друга в более-менее равной степени.

Эти три вектора теоретизирования являются основными ориентирами для тех, кто занимается проблемой структуры/агентности. Более того, они являются критериями дифференциации членов академического сообщества на основе их понимания социальной реальности. Каждый из подходов является состоявшимся направлением, имеет свои достоинства и недостатки. Первые два взгляда на проблему структуры/агентности мы можем назвать классическими. Нам позволяет это сделать тот факт, что уже Э. Дюркгейм, К. Маркс и М. Вебер в своих работах поднимали вопрос о той степени, в которой поведение индивида зависит или не зависит от некоторых надиндивидуальных компонентов.

Развитие третьего направления произошло позже того периода, в рамках которого работали классики социологии. И это стало возможным на фоне неспособности классических картин мира схватить социальную реальность, которая усложнилась до такой степени, что потребовалась разработка нового взгляда на социальную реальность. Сложности, с которыми столкнулись тяжеловесные классические теории и современный социологическому кризису 60х годов XX века структурный функционализм

Т. Парсонса, могут быть обозначены как сложности адаптации этих теорий к динамизму социальной реальности.

Время, в которое они были созданы и на описание которого были ориентированы, прошло. Однако поскольку для своего времени их находки были сравни лавине, обрушившейся на академическое сообщество, и доминировали за счет невероятной проницательности исследовательских вопросов и гипотез, с одной стороны, и эмпирического подтверждения – с другой, они на долгое время оставались непревзойденным образцом социологической мысли. И тем не менее, как было сказано, изменения в общественном устройстве с течением времени обязывало ученых-социологов адаптировать свои теории или создавать новые, если они хотели получать корректные данные в ходе своих исследований.

Изменение в устройстве социальной реальности, сделавшие пользовавшиеся непрекаемым авторитетом теории неспособными корректно отражать ее, повлекли за собой изменения в том, как именно мы исследуем социальную реальность.

А. Гоулдер в своей работе «Наступающий кризис западной социологии» описал механизмы, которые, по его мнению, привели к упадку структурного функционализма Т. Парсонса. Он выделил два фактора:

1. Поколение молодых;
2. Становление и стремительное развитие государства всеобщего благосостояния.

Новое поколение студентов, критически настроенное по отношению к эlite социологического сообщества, заявило о себе во второй половине 60х годов XX века. Их заявления содержали в себе недовольство тем безоговорочным лидерством структурного функционализма Т. Парсонса, которое данное направление имело с начала 40х годов XX века. Надо сказать, что их претензии не были безосновательны. Если мы обратимся к трудам

историков социологии, то обнаружим некоторые сложности, с которыми начал сталкиваться структурный функционализм при попытке описать социальную реальность 60х годов.

Теория Т. Парсонса создавалась как ответ на всемирный экономический кризис 30х годов XX века. Поскольку сам Т. Парсонс был очевидцем этих событий в США, то он понимал, насколько необходима разработка социологической теории, которая бы описала происходящие события с точки зрения возвращения к социальному порядку. Ранний Т. Парсонс описывал поведение индивида с волюнтаристских позиций. Этот взгляд предполагает возможность наличие свободного выбора. Индивид, по Парсонсу, ставит перед собой цели и предпринимает попытки по их достижению. Те действия, которые он совершает для достижения своих целей, осуществляются на основе свободного выбора. Таким образом, Т. Парсонс хотел продемонстрировать свои антидетерминистские мотивы. В своем раннем творчестве американский социолог не был согласен ни со структурным детерминизмом Э. Дюркгейма, ни с «железной клеткой» бюрократии М. Вебера. К. Маркса Парсонс по не до конца понятным причинам не упоминал в своих трудах. По А. Гоулднеру, это было так, поскольку теория К. Маркса по ключевым моментам расходилась с теорией Т. Парсонса. А учение В. Ленина так и вовсе опровергало учение Т. Парсонса.

Поздний Т. Парсонс в своей работе «Социальная система», в попытке сохранения своих антидетерминистских позиций, пишет о том, что хоть выбор действий для достижения цели индивидами происходит на основе свободной воли, само достижение целей не является гарантированным. В процессе социализации система так «воспитывает» индивидов, что они начинают совершать «правильные» действия для достижения «правильных» целей. Таким образом, индивид сохраняет свою агентность, но эта агентность дается ему системой для достижения главной цели системы – поддержание социального порядка (целостности).

Во второй части данного параграфа мы бы хотели перейти к рассмотрению тех инструментов, которыми социологи пользуются для проведения исследований. Я не преследую цели углубиться в логику конкретных социологических методов. Поэтому хотел бы сразу обозначить, что исследовательские практики интересуют нас в широком смысле. Когда мы говорим в широком смысле, то имеем ввиду такие широкие категории как классических эмпиризм и трансцендентальный идеализм. Ниже будет предпринята попытка обосновать утверждение о том, что для наиболее эффективной работы по третьему решению проблемы структуры/агентности нас до конца не устраивают ни классический эмпиризм, ни трансцендентальный идеализм.

Джон Локк считается тем философом, чье учение легло в основу принципа классического эмпиризма. Его реалистическая теория соответствия утверждает, что некоторое суждение будет считаться истинным, если совпадают наше ощущение и содержание этого суждения. Сложные факты состоят из простых фактов. Простые факты, в свою очередь, познаются в ощущении. Таким образом, воспринимаемый при помощи наших органов чувств мир и является реальным миром. Соответственно, проводя эксперимент и ожидая совпадения нашего ощущения по поводу состояния некоторой переменной и того состояния которое мы наблюдаем при воздействии на эту переменную, мы можем сделать вывод об истинности или ложности нашего суждения. На этой основе мы способны формулировать научные законы.

Трансцендентальный идеализм, с другой стороны, утверждает непознаваемость окружающего нас мира. Его вдохновителем принято считать Иммануила Канта. Невозможность познать реальный мир при помощи наших органов чувств компенсируется моделированием этих идеальных состояний внешнего для нашего восприятия мира.

Моделирование является одним из важнейших подходов к изучению социальной реальности. В качестве примера могут выступить идеальный типы М. Вебера. Их методологическая особенность состоит в том, что идеальный тип – к примеру, социальный класс – существует лишь на бумаге. В ходе исследования мы сопоставляем составленный нами идеальный образ с исследуемым объектом и на основе их сходств или различий делаем вывод относительно существенных характеристик объекта, которые составляют научный интерес исследователя.

Трансцендентальный идеализм предполагает существование некоторых порождающих механизмов (*generative mechanisms*), принимающих непосредственное участие в функционировании общества. Однако, стоит помнить, что этот подход заведомо предполагает невозможность их достижения.

Трансцендентальный реализм, разработанный Роем Бхаскаром в работе «*A Realist Theory of Science*» (1975), предполагает несколько отличный и от классического эмпиризма, и от трансцендентального идеализма подход к изучению социальной реальности. Р. Бхаскар предложил сместить исследовательский фокус с причинности на уровне явлений (классический эмпиризм) на причинность на уровне порождающих механизмов (*generative mechanisms*).

Кроме того, провозглашается ориентация на манипулируемость, фиксируемость и достижимость порождающих механизмов. Работающие в рамках реалистских установок социологи предполагают, что порождающие механизмы, выдвигаемые ими в качестве гипотетических, могут помочь в выявлении в качестве реальных выдвинутых ими гипотетически механизмов. В этом состоит отличие трансцендентального реализма от трансцендентального идеализма.

Наряду с трансцендентальным реализмом Рой Бхаскар, на стыке философии науки и философии социальной науки, разработал критический

натурализм. Основная идея критического натурализма состоит в применимости моделей, используемых в естественных науках при изучении мира природы и для социальных наук при изучении общества. Бхаскар утверждает, что общество не может изучаться по тому же принципу, что и природа, но требует такого подхода, который был бы в состоянии схватить такой динамичный объект исследования как человеческое общественное объединение. Таким образом, Р. Бхаскаром постулируется высокая сложность, изменчивость, динамичность и непостоянство мира людей в противовес миру природы.

Потому он и предлагает перейти от рассмотрения причинности на уровне явлений к рассмотрению причинности на уровне порождающих механизмов. Более того, он отказывает выводу о наличии закона на основе наблюдения постоянной связи между явлениями. Но в эти моменты мы более подробно углубимся в следующем параграфе.

В социологии взаимовлияние структуры и агентности связано с такими именами как Энтони Гидденс и Маргарет Арчер. Безусловно, есть и другие, однако обозначенные социологи имеют статус первопроходцев, внесших значительный вклад в разработку данной проблематики. На посткризисной волне 70х-начала 80х годов XX века они, как и многие другие социологи, задумались над тем, как должна выглядеть общая социологическая теория, которая могла бы объяснить общественный динамизм. В таких работах как «*Новые правила социологического метода*» (1976) и «*Центральные проблемы социологической теории*» (1979) Энтони Гидденс предложил альтернативу классическим решениям проблемы структуры/агентности. По его мнению, не стоит ограничиваться тем, что структура может или оказывать тотальное влияние на агентность, или быть полностью зависимой от агентности. Третий взгляд на эту ситуацию предлагает нам рассматривать отношения между структурой и агентностью как отношения взаимовлияния. Маргарет Арчер в своих работах «*Культура и агентность*» (1988), «*Реалистская социальная теория*» (1995) поддержала

идею Э. Гидденса о взаимовлиянии структуры и агентности, однако раскритиковала его разработки и предложила собственную теорию - теорию морфогенеза.

Теорию структурации Э. Гидденса и теорию морфогенеза М. Арчер рассматривают, как правило, с точки зрения их нахождения в рамках реалистского направления. Несмотря на это, они по-разному развивают его в своих теориях. Сравнение их позиций позволит прояснить самостоятельность теории М. Арчер и приблизиться к ответу на исследовательский вопрос.

Первым критерием сравнения станет отношение Э. Гидденса и М. Арчер к проблеме соотношения структуры и агентности. Этот критерий необходим, так как различия в понимании упомянутого соотношения определяют дальнейшую логику развертывания теорий. Э. Гидденс утверждает, что социальная структура и агентность взаимодействуют по принципу двух сторон одной медали. Такой тип взаимодействия Э. Гидденс называет дуальностью структуры. Социальная структура и агентность оказывают влияние друг на друга одновременно. М. Арчер, с другой стороны, пишет о дуализме структуры и агентности. Согласно основным положениям ее теории морфогенеза, социальная структура и агентность должны быть логически разведены. Более того, социальная структура имеет первичный статус в сравнении с агентностью. Это подводит нас к следующему различию.

В качестве второго критерия сравнения мы будем использовать их подход к определению характера и содержания взаимоотношений между структурой и агентностью. Так, в случае с теорией структурации, мы имеем дело с постоянно воспроизводящимся взаимовлиянием структуры и агентности, суть которого можно раскрыть следующим образом: каждое социальное действие включает в себя структурный элемент, так как при его осуществлении актор учитывает правила, заданные социальной структурой, и использует ресурсы, предоставленные ей же, и в момент совершения

социального действия актор вносит изменения в существующую социальную структуру, которая, в свою очередь, задает новые условия для нового действия и так по кругу. В случае же с теорией морфогенеза М. Арчер дело обстоит несколько иначе: социальная структура является логически первичной по отношению к социальному действию, и она производит условия для того, чтобы действие и взаимодействие были возможны; последние, в свою очередь, изменяют социальную структуру и в качестве результата этих изменений мы имеем более сложную структуру, свойства которой не сводимы ни к более простой своей предшественнице, ни к свойствам взаимодействий, что ее произвели, ни к их сумме, так как новая структура обладает, по М. Арчер, эмерджентностью. Подробные пояснения я сделаю в следующем критерии. Здесь нам важно, что у Э. Гидденса анализ двухступенчатый, а у М. Арчер – трехступенчатый.

Третий критерий сравнения заключается в результатах взаимодействия структуры и агентности. И здесь мы постараемся кратко изложить суть обеих теории. Согласно теории структурации, социальная структура есть совокупность правил, которым мы следуем, и ресурсов, которые мы используем в повседневной жизни. Это та часть, где социальная структура оказывает на нас влияние. В то же время, Э. Гидденс пишет о том, что через наши социальные практики мы изменяем мир вокруг нас. Это та часть, где мы оказываем влияние на структуру. Измененная социальная структура дает нам измененные правила и ресурсы для достижения наших целей. Более того, следуя новым правилам и используя новые ресурсы, мы изменяем социальную структуру снова. Так мы можем говорить о взаимозависимости структуры и агентности. Теория морфогенеза М. Арчер, с другой стороны, описывает процесс взаимозависимости как процесс, имеющий три уровня: (1) социальная структура создает условия для взаимодействия между агентами; (2) действуя, агенты изменяют социальную структуру; (3) будучи измененной, социальная структура становится более сложной, чем была раньше, и надеяется тем, что Арчер называет

эмерджентностью. Эмерджентность означает, что свойства новообразованной социальной структуры не могут сводиться к свойствам предыдущей социальной структуры или к сумме свойств агентов, действия которых привели к ее образованию. Другими словами, новые свойства новой социальной структуры являются более сложными, чем до ее преобразования. Вводя в свою теорию концепт эмерджентности, М. Арчер как бы перемещает свой анализ на новый уровень. Концепт эмерджентности позволяет нам изучать социальную реальность не только как изменяемую единицу анализа, но как единицу анализа, которая эволюционирует, и эмерджентность является критерием успешной эволюции, в то время как Гидденс не имеет подобного критерия, по которому он мог бы установить, что социальная структура, под воздействием взаимодействий агентов, изменилась.

После проведенного сравнения становится ясно, что теория структурации Э. Гидденса – это своевременная заявка на введение в социологическую теорию нового взгляда на проблему структуры/агентности. Этую роль – роль первопроходца – сложно переоценить. Она, без сомнения, велика. Но, разложив его теорию на части, мы видим, что этой ролью ее характеристика и ограничивается. Как это часто бывает, первопроходец совершает подвиг, однако те, кто следует за ним, совершенствуют проход по его пути таким образом, что, с виду, он становится более сложным, но проход по нему оказывается более эффективным. Так и М. Арчер прошла по проложенному Э. Гидденсом пути, но усовершенствовала его и получила более качественную теорию. Желание Э. Гидденса стать ведущим метатеоретиком было сильнее, чем теория, с которой он претендовал на эту роль. В случае с М. Арчер, по нашему мнению, мы можем наблюдать обратную ситуацию. Благодаря эмерджентности, М. Арчер удается добиться, с одной стороны, зависимости структуры от агентности в виде изменения агентностью структуры, а с другой – автономности структуры, ее несводимости к агентности. Однако здесь важно, что теория морфогенеза М. Арчер обладает значительным потенциалом для развития в «большую»

социологическую теорию. Благодаря детальной проработке онтологических вопросов, эта теория обладает значительным ресурсом, который позволяет вносить необходимые уточнения по мере продолжения работы над ней. На наш взгляд, этот момент является одним из ключевых наряду со всеми теоретическими тонкостями.

Более подробный анализ теории морфогенеза М. Арчер и теории структурации Э. Гидденса будет произведен в соответствующей главе. Здесь нам важно было показать эволюцию в решении проблемы структуры-агентности, которая произошла после второго социологического кризиса. Кризис, как правило, знаменует переходный этапа развития на другой. Потеря такого ядра социологии каким на протяжении долгих лет оставался структурный функционализм Т. Парсонса, ознаменовало освобождение данной позиции для новой «большой теории». Однако в серьезной посткризисной конкуренции победитель не было выявлено. Консенсус образовался не вокруг теории, а вокруг принципа мультипарадигмальности.

Мультипарадигмальность в рамках социологии предполагает сосуществование в одном научном поле различных подходов к тому, как следует понимать социальную реальность. Сложилась ситуация, при которой научное сообщество объединилось именно вокруг этого принципа. Вероятно, сработал диалектический эффект от столько долго длившейся доминации структурного функционализма Т. Парсонса. Не последнюю роль в этом процессе сыграла и критическая теория, набравшая после второго социологического кризиса большую популярность. Но и она не стала «новым структурным функционализмом». Причины этого могут быть самые разные, но хорошо известно, что между ее лидерами не было абсолютного согласия по ключевым вопросам. Однако критические настроения представители этого направления распространили сравнительно быстро и широко. Этот момент также мог сыграть роль в том, что научное сообщество не торопилось выделять среди серьезных попыток теоретического синтеза нового лидера, вокруг которого оно бы объединилось. Динамически развивающееся

общество создавало впечатление непостоянства и новых разработок. Однако, по прошествии времени, мы можем говорить о том, что теории Н. Лумана, Ю. Хабермаса и Э. Гидденса и по сей день являются образцами посткризисной социологической мысли.

§2. Концепция трансцендентального реализма Р. Бхаскара

Британский философ Рой Бхаскар в своей работе *A Realist Theory of Science* (1975) предпринимает попытку построения антипозитивистской концепции трансцендентального реализма. Юмовское понимание закона как постоянной связи событий не является для Р. Бхаскара удовлетворительным. Во-первых, поскольку оно фокусируется на событиях, а не на результате, и, во-вторых, поскольку оно справедливо для закрытых систем, а не для открытых. Когда мы говорим об обществе, следует учитывать особенности его строения и множество факторов, которые оказывают друг на друга влияние. Р. Бхаскар предлагает фокусироваться на результате социальных взаимодействий, а не на событиях как таковых. В этом случае изменяется суть интересующей исследователя причинно-следственной связи. Вместо условий воспроизведения некоторых событий он переключает свое внимание на результат и на то, работа какого механизма к нему привела. Изменение исследовательского ориентира влечет за собой изменение того, в рамках какого направления работает ученый. Р. Бхаскар объявил развивающее им направление трансцендентальным реализмом. Перед тем как перейти к рассмотрению его основных положений, мы ненадолго вернемся к основной

идее предыдущего параграфа. Судя по тому, как развивается социологическая теория последние 15-20 лет, можно говорить о том, что она находится в процессе перестройки своего привычного принципа функционирования. Последний представлял собой объединение научного сообщества одним или двумя общими подходами к пониманию социальной реальности. Хотим мы того или нет, но модель физики, где есть теория относительности, работающая с большими величинами, и теория квантовой механики, работающая с малыми величинами, подходит и к социологии. Речь идет о макросоциологических и микросоциологических теориях. Структурный функционализм Т. Парсонса был попыткой их синтеза, попыткой, объединившей вокруг себя большинство социологов (как сторонников, так и противников). После второго социологического кризиса и низвержения структурного функционализма Т. Парсонса теоретики предприняли попытку нового синтеза, чтобы сплотить разобщенное научное сообщество. Однако, предложенные общие теории (Луман, Хабермас, Гидденс) не смогли стать «новым структурным функционализмом». Дискуссии о том, как объяснить происходящие с обществом перемены во второй половине прошлого века, оказывались не вполне успешными, поскольку не было единой точки зрения на то, через призму какого подхода их трактовать. Усиливающая свое влияние критическая теория и постмодернизм не давали возможности восстановить консенсус внутри научного сообщества. Вместо общих теорий начали появляться описания отдельных явлений (примером может послужить сверхпопулярная ученых в 80-90е годы XX века глобализация). Постепенно это привело к тому, что социологи адаптировались к новому принципу функционирования науки, отличающейся от того, что был в ее основе до второго социологического кризиса. Новый принцип мультипарадигмальности не требует от социолога быть связанным с каким-то конкретным теоретическим направлением, а призывает к использованию той методологии, которая удобна для изучения конкретного явления. Этот процесс видится нам как имеющий свои достоинства и недостатки. С одной

стороны, принцип мультипарарадигмальности позволяет социологу быть гибким в своей работе и искусно адаптироваться к изучению самых различных явлений. С другой стороны, разрушается такой столп социологии как консенсус внутри научного сообщества. Сейчас этот консенсус присутствует не в виде некоторых зафиксированных положений относительно проблемы структуры/агентности или возможности социального порядка, а в виде провозглашения принципа мультипарарадигмальности. Но с такой подменой решение проблемы отношений микро/макро не приближается. Вкупе с этим наследство от постмодернистов в виде ухода от понятия «общество» привело к деонтологизированности социологии. Если социологи действительно занимаются интерпретацией интерпретации (двойная герменевтика Э. Гидденса), то разграничение онтологии и эпистемологии является необходимым условием. В противном случае то, что нам сообщает информант, и есть конечная истина, отражающая подлинный социальный мир и не требующая реинтерпретации. Мы предполагаем, что вектор развития социологии, заданный последствиями второго социологического кризиса, показывает, что принцип мультипарарадигмальности – это не окончательный «диагноз». Ученые по-разному использовали посткризисный период теоретической вседозволенности. И пока одни уходили все дальше от классических проблем социологии, другие не прекращали нам ними работать. Хотелось бы отметить, что отрицание классических вопросов социологии, на которые пытались дать ответ М. Вебер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс и другие, не сопровождалось постановкой новых – посткризисных – вопросов, разработка которых заинтересовала бы научное сообщество столь же сильно. Напротив, классики «переждали» период посткризисного творчества, и оказалось, что интересовавшие их вопросы все еще актуальны (например, проблема структуры-агентности). Их актуальность мы связываем с необходимостью преодолеть некорректную подмену интегрирующего научное сообщество элемента. Модель функционирования науки, при которой все вращается

вокруг некоторых основных (классических) вопросов и отвечающих требованиям конкретного времени ответов на них, является для нас предпочтительней, нежели модель функционирования, при которой классические вопросы заменяются принципом мультипарадигмальности. Это так, поскольку разработка классических вопросов – это импульс развития социологии. Описанный поворот привел к возрастанию объемов эмпирических материалов по самым разным темам. Обеспокоенность этим фактом выразил и главный редактор «Социологических исследований» Ж. Тощенко в редакционной статье к 40-летию журнала. Многие, кто претендует на публикацию в журнале, по оценке главного редактора, олицетворяют собой воспроизведение проблемы расплывчатого понимания объекта и предмета социологии. Многие ключевые проблемы и понятия трактуются произвольно, от чего статьи больше представляют собой философские наброски, не связанные с реальностью. Это происходит от того, что, по нашему мнению, среди нового поколения социологов отсутствует сколько-нибудь твердая ориентация на определенные теоретические направления. Более того, как отмечает Ж. Тощенко, имеет место элементарное незнание теоретического и эмпирического наследия, что приводит к переоткрыванию велосипедов в самых различных сферах изучения общества. Эта проблема непосредственно связана с процессом преподавания социологии в университетах. Незнание истории науки приводит к отсутствию некой теоретической ориентации. А она, на наш взгляд, необходима социальному, так как мультипарадигмальность, которую так лоббируют многие, допускает сосуществование различных течений, но никак не смену теоретических предпочтений, исходя из ежедневного настроения. Дело в том, что таких прыжков и не происходит у знакомых с историей социологии, но они происходят у тех, кто ее не знает достаточно подробно. Здесь, по нашему мнению, должен действовать принцип, согласно которому незнание не освобождает от ответственности. Поощряя во время обучения в университете намешивание зачастую противоположных по смыслу теорий имеет своим

результатом то, о чём пишет¹ главный редактор «Социологических исследований», а именно, что авторы многих статей не имеют, судя по их содержанию, представления не только об исторических перипетиях в науке, но банально об основных теоретических положениях. Приведенное мнение Ж. Тощенко подтверждает наше предположение о том, что принцип мультипарадигмальности, стоящий по иерархии выше классических социологических вопросов, является ложной основой для формирования консенсуса внутри научного сообщества.

На основе приведенного выше обзора различных принципов функционирования науки и аргументации в пользу классических вопросов как основной интегрирующей силы внутри научного сообщества, перейдем к рассмотрению роли концепции трансцендентального реализма Р. Бхаскара в процессе «реонтологизации» социологии. Выше было отмечено, что посткризисные теоретики ушли от понятия «общество» и способствовали, тем самым, «деонтологизации» социологии. Разработки Р. Бхаскара, по нашему мнению, направлены на преодоление сложившейся ситуации. Несмотря на его философский уклон, в данной работе будет продемонстрирована адаптируемость основных положений трансцендентального реализма в рамках социологии. Более того, во второй главе это будет показано на конкретном примере – теории морфогенеза М. Арчер.

Аргументация Р. Бхаскара начинается с обвинения эмпирических реалистов в том, что те допускают редукцию суждений о мире к суждениям о нашем знании о мире. Опираясь на концепцию законов Д. Юма, согласно которой законом называется постоянно воспроизводящаяся связь некоторых событий, эмпирический реалист получает онтологию, в основе которой лежит опыт. Р. Бхаскар отмечает, что это ошибочный путь, поскольку сводить онтологию к эпистемологии – не корректно. Первая ошибка здесь, по Р.

¹ Тощенко, Ж. Редакционная статья // Социологические исследования, №7. 2014

Бхаскару, заключается в том, что отдельная эпистемологический концепт (опыт) наделяется онтологической функцией. Онтология – это философское учение об общих категориях и закономерностях бытия, существующее в единстве с теорией познания и логикой². Вторая ошибка следует из первой: после признания чувственного опыта критерием закономерностей бытия, обязательным свойством окружающего мира становится его способность быть «прочувствованным», в то время как это, скорее, ситуативное свойство, которое, особенно при социальном взаимодействии, не всегда очевидно. Третья ошибка сведения эпистемологии к онтологии заключается в том, что могут быть упущены ситуации, при которых опыт будет важен для науки именно в эпистемологическом смысле, а не в онтологическом. Переплетение эпистемологии и онтологии лишает эпистемологию возможности оценивать какие-либо социально обусловленные условия взаимодействия именно с эпистемологических позиций.

Наше знание о мире всегда готово в том смысле, что с самого рождения мы имеем готовый язык, который учим, готовые правила поведения, которым следуем и готовые роли, которые осваиваем. Таким образом, наше знание о мире всегда существует до нас. Учитывая, что базовым моделям поведения и социальным ролям – тысячи лет, в этом утверждении не приходится сомневаться. Однако тогда получается ситуация, при которой, кажется, индивид полностью растворяется в существующем вне него знании. Это не совсем так. Эти самые базовые социальные роли и модели поведения, которые мы воспроизводим из поколения в поколение, не состоялись бы без взаимодействия людей. Значит, индивид все-таки не растворяется в знании, а принимает участие в его сотворении и воспроизведстве. С одной стороны, знание социально, а с другой стороны – независимо от своих творцов. По Р. Бхаскару, является социальным продуктом. Так, оно одновременно существует независимо от нас (например,

² Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. - М.. – 1996. – С. 874

в виде здравого смысла) и воспроизводится действиями и взаимодействиями людей (например, в виде науки). Двойственное понимание знания позволяет ему выделить два вида объектов знания: относящиеся к *транзитивному измерению*, которое, в свою очередь, является порождением предшествующего знания и объекты которого используются для получения нового знания, и *интранзитивному измерению*, в котором объекты – это некоторые механизмы или структуры, которые действуют независимо от людей. Интранзитивные объекты знания, пишет Р. Бхаскар, несводимы с нашему знанию о них. Они существуют независимо от нас, и они есть «реальные вещи, структуры, механизмы и процессы, события и возможности мира»³. Транзитивные объекты знания, основанные на уже имеющемся знании, используются для того, чтобы изучить интранзитивные объекты, которые – и на этом делается большой акцент – могут быть изучены, несмотря на особенности своего независимого от нас существования. Философия науки, по Р. Бхаскару, должна учитывать оба аспекта науки: во-первых, наука как транзитивный процесс, зависящий от прошлого знания и деятельности людей; во-вторых, наука, имеющая интранзитивные аспекты, которые не зависят ни от прошлого знания, ни от деятельности людей. Наука предстает как социальный процесс, который включает в себя независимые от своей социальности объекты. Здесь у Р. Бхаскара появляется упоминание механизмов и структур, которые он относит к интранзитивным объектам знания. В рамках направления трансцендентального реализма порождающие механизмы (*generative mechanisms*) играют одну из ключевых ролей. Для того, чтобы раскрыть их суть, необходимо провести сравнительный анализ классического эмпиризма, трансцендентального идеализма и трансцендентального реализма.

Прежде, чем приступить к сравнению, необходимо обосновать сравнимость выбранных объектов. Все три представляют собой самостоятельные учения о том, на что необходимо обращать внимание при

³ Bhaskar, R. A Realist Theory of Science. New York: Routledge, 2008. P. 12

осуществлении исследовательской деятельности. Они имеют принципиальные расхождения в том, как следует понимать окружающий мир (в том числе и социальную реальность), что подкрепляется разработанными в рамках данных направлений теориями. Стоит оговориться, что сравнительный анализ будет в большей степени сфокусирован на сравнении реализма Р. Бхаскара с эмпиризмом Дж. Локка и идеализмом И. Канта, а не всех трех направлений между собой. Это так, поскольку и эмпиризм, и идеализм считают удовлетворительным определение закона как наличия постоянной связи между явлениями. Условно их можно объединить на этой основе под эгиду эмпирического реализма. Р. Бхаскар же, свою очередь, выступает против эмпирического реализма со своим трансцендентальным реализмом. Таким образом, мы имеем две пары для сравнения: реализм – э м п и р и з м и реализм – – и д е а л и з м .

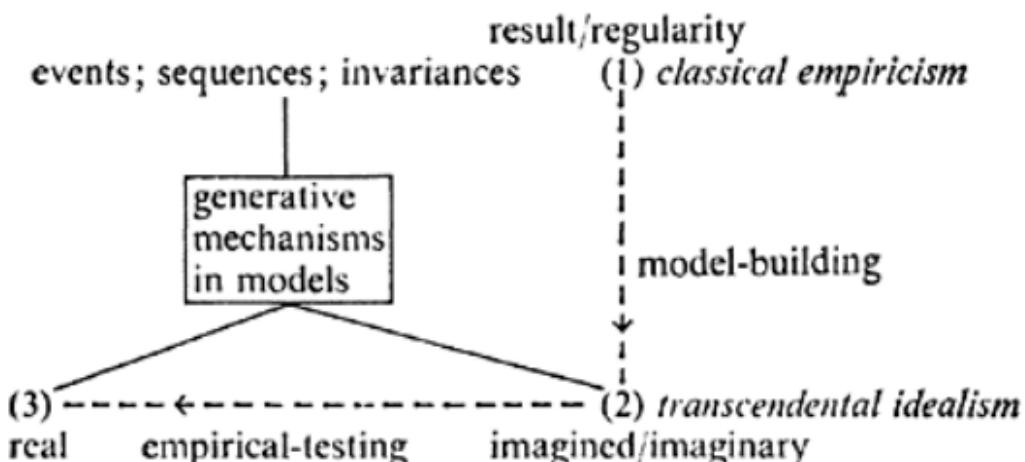

Diagram 0.1. The Logic of Scientific Discovery

Рис. 1. Логика научного открытия⁴

Основным критерием для сравнения эмпирического реализма и трансцендентального реализма является то, как эти направления трактуют отношения онтологии и эпистемологии. Первое допускает сведение

⁴ Bhaskar, R. A Realist Theory of Science. - New York: Routledge, 2008

онтологии к эпистемологии, второе – нет. В основе классического эмпиризма лежит реалистическая теория соответствия Джона Локка, согласно которой информация, получаемая нами при помощи органов чувств, является конечной информацией о мире; она так же настаивает на том, что содержание знания может быть представлено как описание чувственного опыта. Выше мы же коснулись того, как Р. Бхаскар определяет знание, и видим, что в этом пункте так же существуют различия. В рамках трансцендентального реализма сведение онтологии к эпистемологии не допустимо, поскольку учитывается как транзитивное измерение науки, так и интранзитивное.

Трансцендентальный идеализм был развит И. Кантом и предполагает построение воображаемых моделей функционирования исследуемой реальности. Как мы видим на Рис. 1, и идеализм, и реализм предполагают существование некоторых порождающих механизмов (*generative mechanisms*). Однако критерием для сравнения здесь является их трактовка этих механизмов. Реализм Р. Бхаскара заимствует у идеализма И. Канта метод моделирования, но в реалистских моделях ученый предпринимает попытку не просто вообразить некоторую структуру или механизм, но реально действующий, который можно обнаружить в ходе исследования. В этом заключается принципиальное различие трансцендентального идеализма и трансцендентального реализма.

Трансцендентальный реализм не может согласиться с эмпирическим реализмом. А поскольку на последний опирается и классический эмпиризм, и трансцендентальный идеализм, то Бхаскар отвергает оба этих направления научной мысли. «Только трансцендентальный реализм может допустить мир, регулируемый некоторыми законами, который является независимым от человека»⁵, пишет Бхаскар, обращая наше внимание на то, что и эмпиризм, и идеализм впадают в «эпистемологическое заблуждение» (понятие Бхаскара), когда допускают сведение онтологии к эпистемологии. Именно это

⁵ Bhaskar, R. A Realist Theory of Science. - New York: Routledge, 2008. P. 16

«заблуждение» предполагает те три ошибки эмпиризма, выделенные выше, которые заключаются (1) в наделении категории опыта правом определять мир, (2) во взгляде, что быть усвоенным через опыт или быть возможным усвоенным таким образом является основным свойством мира и (3) в пренебрежении обстоятельствами, в которых опыт в эпистемологическом смысле значим для науки.

Далее мы переходим к рассмотрению механизмов и структур. В работе Р. Бхаскара *A Realist Theory of Science* он предлагает понимать их как некоторые порождающие силы, которые действуют независимо от нашего знания о них. В то же время это не означает, что их невозможно обнаружить. Напротив, при следовании определенной логике научного открытия, можно зафиксировать их работу. Здесь важно отметить, что механизмы и структуры в рамках трансцендентального реализма не воспринимаются как некоторые абстрактные силы, влияющие на наше поведение, но как вполне реальные и, что главное, способные быть обнаруженными. Исследователю следует при этом обращать внимание на некоторый результат социального взаимодействия и, используя принцип индукции, выходить на механизм. В этом смысле механизмы являются логически первичными по отношению к генерируемым ими событиям. Мир, пишет Р. Бхаскар, состоит из механизмов, а не из событий. Механизмы являются интранзитивными объектами науки, поэтому их обнаружение должно происходить через изучение некоторого зафиксированного результата социального взаимодействия. Механизмы, по Р. Бхаскару, есть не что иное, как силы вещей (*power of things*). Вещи, в отличие от событий, не проходят, а продолжают существовать. По Р. Бхаскару, исследователь, при обнаружении некоторого результата взаимодействия должен (1) зафиксировать его, (2) сделать предположение о том, что может быть источником полученного результата, т.е. работа какого механизма могла бы привести к такому результату и (3) постараться обнаружить, зафиксировать работу этого механизма в экспериментальных условиях. В отличие от закрытой системы, где ученый в условиях полной изоляции может

наблюдать причинно-следственную связь, работу механизмов приходится наблюдать в открытой системе, где они могут действовать вместе, объединившись, не вместе, влиять друг на друга, и это делает процесс их обнаружения достаточно сложным для исследователя. Их функционирование вне закрытых условий, где бы мы могли непосредственно наблюдать их, требует от ученого переориентации с проведения привычного эксперимента в открытой системе, где он бы мог наблюдать взаимодействие причины и следствия «лицом к лицу», на работу в условиях открытой системы. Для социологии это требование не является невыполнимым. Так как установка на то, что на индивида оказывает влияние множество социальных факторов одновременно, имеет в рамках науки об обществе статус аксиомы, то вычленение из них тех, что необходимы исследователю, является, в некотором смысле, рутинной работой социолога. Как было сказано, механизмы, по Р. Бхаскар, функционируют независимо от нашего знания о них. События, которые они генерируют, следовательно, так же стоит понимать вне их непосредственной связи с нашим чувственным опытом. Для классического эмпиризма, который опирается на чувственный опыт, кажется невозможным не учитывать его при рассмотрении событий. Однако, когда мы отказываемся от редукции мира к нашему опыту, то ограничения, связанные с пониманием событий исключительно в категориях опыта, снимаются. Для того, чтобы не впадать в «эпистемологическое заблуждение», Р. Бхаскар пишет о недопустимости сведения онтологии к эпистемологии.

Понятие юмовского научного закона в рамках направления трансцендентального реализма меняет свое значение. Постоянная связь событий более не является необходимым условием для провозглашения закона. Более того, понятие закона перестает быть связанным с событиями в принципе. Поскольку события генерируются механизмами, то они утрачивают свою первостепенную роль объектов изучения. Наряду с событиями, первостепенную роль утрачивает и опыт, потому что мы не допускаем сведения онтологии к эпистемологии. Для изучения механизмов необходимо

обращаться не только к опыту, но и к тому, что находится за его пределами, поэтому реализм Р. Бхаскара и имеет приставку «трансцендентальный». Механизмы есть, в первую очередь, умопостигаемые объекты изучения. Их интранзитивность предполагает, с одной стороны, их неочевидность для чувственного опыта, а, с другой, необходимость обращения к уже имеющемуся знанию для их выявления. Научный закон в рамках направления трансцендентального реализма оказывается, таким образом, более не связан ни с постоянно воспроизводящейся связью между событиями, ни с опорой на чувственный опыт. Р. Бхаскар пишет о том, что философия ограничена в том, чтобы сказать, что представляют и себя механизмы или как они действуют. Она способна логически обосновать возможность и существования, опираясь на критику одних и дополнение других подходов к пониманию реальности (в том числе и социальной). Но обнаружить механизмы – это задача не философии, а науки. Механизмы существуют независимо от людей и могут действовать независимо от них, однако их свойства не сводимы к свойствам событий, которые они генерируют. Механизмы, в отличие от событий, не воспринимаются непосредственно через опыт. Механизмы, события и опыт, по Р. Бхаскару, образуют три пересекающихся области реальности: непосредственно реальная, фактическая и эмпирическая соответственно. Если использовать онтологию, опирающуюся на чувственный опыт, то эти три уровня объединяются в один. Но, отказавшись от нее, мы должны их разграничивать. При этом для трансцендентального реализма область реального первична по отношению к области фактического, а область фактического – к области эмпирического. Такая иерархия выстроена для того, чтобы подчеркнуть первичность механизмов и такой онтологии, которая не имеет в своей основе чувственный опыт.

Реализм Р. Бхаскара способен объединить в себе две установки, согласно которым (1) существуют или могут существовать неизвестные законы, и (2) существуют законы, реализация которых является не воспринимается человеком вне закрытой системы. Большинство научных

доктрина не учитывает различие между закрытой и открытой системой. Получается, то, что справедливо для закрытой системы, справедливо и для открытой. Этот момент подвергается Р. Бхаскаром критике. В рамках данной работы нам важно рассмотреть потенциал разработок Р. Бхаскара для социологии, где разница между открытой или закрытой системой не является столь же очевидной, как, например, в биологии. Однако, в широком смысле, мы будем понимать закрытую систему как изолированную от внешних факторов обстановку, созданную и подготовленную для наблюдения конкретной причинно-следственной связи или ее отсутствия. Открытая же система, в широком смысле, есть непосредственная социальная реальность со всем многообразием социальных отношений. Если социология не допускает сведения онтологии к эпистемологии и не уходит от понятия «общество», то она допускает, что индивид на некотором надындивидуальном уровне воспринимает всю совокупность социальных факторов, под влияние которых он попадает, но которые он не способен в полной мере объяснить для себя самого. Так, даже в искусственно закрытой системе индивид, будучи вовлечен в самые различные социальные отношения, окажется подвергнут их влиянию. Другими словами, в закрытой системе не удастся избавиться от влияния рефлексии индивида на его ответы. Вероятно, этому способствует создание обстановки полной анонимности (и от самого ученого), но это уже тонкости организации полевого этапа социологического исследования. Для нас здесь важна выявленная особенность не очевидного разделения на закрытую и открытую систему, когда мы говорим о социологии. Ситуация, при которой различные общественные установки (работа социальных механизмов) оказывают влияние на индивида как в открытой, так и в закрытой системе, демонстрирует реальность (т.е., в понятиях Р. Бхаскара, предполагающего функционирование некоторых механизмов) того самого «общества», от которого отвернулись социологи после второго социологического кризиса, заменив его социальными отношениями, связями и коммуникацией.

Вернемся к тому, что представляет из себя закон. Р. Бхаскар оспаривает юмовскую трактовку закона как постоянной связи событий. Но поскольку события генерируются в результате функционирования некоторых механизмов, их последовательность (что для Юма – причинно-следственная связь) не корректно называть законом. Работа механизмов происходит вне нашего чувственного опыта, поэтому наш эмпирический опыт событий не является достаточным основанием для предания некоторой последовательности событий статуса закона. Для того, чтобы говорить о законе, нам необходимо перейти с эмпирического уровня на реальный уровень, на котором функционируют механизмы. Сделать это мы можем, только преодолев «эпистемологическое заблуждение» и приняв разделение объектов науки на транзитивные, воспринимаемые при помощи чувственного опыта, и интранзитивные, т.е., в отличие от восприятия через опыт, умопостигаемые.

Для того, чтобы избежать обвинений в детерминизме, Р. Бхаскар стремится уйти от него. События являются некоторым промежуточным звеном между механизмами и индивидом. Это прослеживается и в выделении им областей реального, фактического и эмпирического. События, по Р. Бхаскару, не происходят вне зависимости от деятельности людей. Люди сами непосредственно участвуют в воспроизведстве событий. Возникает закономерный вопрос: как это соотносится с утверждением о том, что события генерируются механизмами? Для ответа на него Р. Бхаскар приводит аналогию из природы. В мире природы мы находимся в созданных вне зависимости от нас условиях некоторой окружающей среды. Таким образом, мы имеем конкретные ограничения в нашей деятельности (например, гравитацию). Однако это не значит, что природа регулирует нашу деятельность. Вместо этого она, если можно так сказать, задает лимиты нашей деятельности. То же происходит, по Р. Бхаскару, и тогда, когда мы говорим о работе социальных механизмов. Генерируя события, они лимитируют их, но в созданных границах мы вольны действовать так, как

считаем нужным. Подобный уход от детерминизма напоминает попытку Т. Парсонса, который писал о том, что наши цели формируются на нами, а навязываются социальной системой, а мы, в попытке их достижения, можем лишь надеяться на успех, но не можем быть в нем уверены. Преодоления детерминизма – это серьезное испытание для социологической теории. И философская разработка Р. Бхаскара, по нашему мнению, является серьезным вкладом в достижение этой социологической цели. Сумев избежать детерминизма, Р. Бхаскар продолжает приводить преимущества трансцендентального реализма перед классическим эмпиризмом и трансцендентальным идеализмом. Так, он пишет, что, для того, чтобы перейти от онтологии, в основе которой лежит чувственный опыт, реализм и идеализм ввели метод моделирования. Однако, если модели идеализма содержали воображаемые порождающие механизмы, то модели реализма – предполагаемые. Воображаемое, в отличие от предполагаемого, не может быть зафиксировано. В пользу того, что механизмы должны существовать, Р. Бхаскар приводит аргумент, согласно которому их существованием и работой создаются условия для возможности существования науки. Область реального, к которой относятся механизмы, логически первичны по отношению к области фактического, к которой относятся события. Наука как социальный процесс не может быть оторвана от чувственного опыта. С другой стороны, наука всегда существует до ученых. Р. Бхаскар пишет о том, что человек, скорее, не открывает что-то новое, а меняет уже имеющееся прошлое знание. Наука, работающая с транзитивными объектами, становится, как и сами эти объекты, лимитирована интранзитивными объектами. Так, мы не можем говорить о том, что ученый смотрит на общество со стороны. Будучи участником социального научного процесса, его деятельность подвергается тому же лимитированию, как и события, генерируемые механизмами. Но, напомним, это не означает, что деятельность ученого является строго регламентированной. Напротив, в условиях, созданных механизмами, он может действовать так, как считает нужным.

Выход на интранзитивные объекты, которые создают условия для деятельности, означает попытку изучения пределов описанного лимитирования. Ученые всегда задаются вопросом о том, чем ограничена наука. Каковы те рамки, за которые им не выйти? В социологии эти рамки еще предстоит обнаружить. Однако, может получиться так, что они не будут достигнуты. Это зависит от желания ученых. Им может быть комфортно в сложившихся условиях, а может и нет. По сути то, чем занимались классики социологии, было ничем иным как попыткой «копнуть» так глубоко, как они смогут. Потому мы и имеем столь богатое наследие и продолжаем изучать их теоретические разработки. Время показывает, что лимит задан невероятно широкий, поскольку за последние 50-60 лет появилось большое количество новых сильных теорий. Но дело не в том, чтобы достичь лимита, а в том, чтобы корректно описать социальную реальность. Полярные точки зрения могут быть сколь угодно радикальными, но суть, по нашему мнению, будет находиться где-то посередине.

Механизмы, по Р. Бхаскарку, должны быть анализированы через действия вещей (*acting of things*). Эмпирическому реалисту сложно иметь дело с образованиями, о которых мы знаем только то, что у них есть некоторые силы. В этом и проявляется преимущество трансцендентального реалиста, когда он ориентируется не только на чувственный опыт, но и на умопостижение окружающего мира (в том числе и социального). Наука работает с тем, что уже есть в ее поле, а также с тем, что является воображаемым и предполагаемым, и чего еще в ее поле нет. Наука развивается благодаря научным идеям, которым может не быть объяснения в момент их умопостижения, но которые оказываются истинными после необходимой проверки. Такие идеи могут быть не связаны с опытом, но это не означает, что они не имеют права на существование. Установленные факты, по Р. Бхаскарку, являются социальными продуктами. Задача ученого – выявить их логику. Когда мы поднимаемся от области фактического к области реального, мы можем лучше понять взаимодействия индивида и общества.

Дать название чему-то означает наделить нечто множеством коннотаций и определенным набором функций. Как говорится, с большой силой приходит большая ответственность. Р. Бхаскар довольно смело называет свои концепты: механизмы, область реального и прочее. Но он также и смело бросает вызов сложившимся направлениям и показывает, что они оказались замкнуты на самих себе. Основные положения трансцендентального реализма открывают границы для исследовательского творчества столь сильно, что речь уже не идет о самом направлении. Речь идет о познании социальной реальности. Границы отодвигаются еще дальше, и от этого создается ощущение, что человек может заглянуть за кулису всего общества. Цели, которых можно достичь с трансцендентальным реализмом, значительней самого направления. И в этом соблюдается выделенная Р. Бхаскаром иерархия областей реального, фактического и эмпирического.

Эмпирический реализм, пишет Р. Бхаскар, сталкивается с следующими вопросами: а) детерминировано ли наше знание опытом? б) является ли знание априорным условием опыта? в) является ли знание свободным и независимым (от опыта)? Поскольку эмпирический реализм не работает с интранзитивным объектами, он не может преодолеть ограничения, заданные онтологией, в основе которой лежит чувственный опыт. Трансцендентальный реализм же успешно справляется с обозначенным ограничением, поскольку знание в рамках этого направления понимается как социальный продукт. Как было показано выше, социальность знания не означает его зависимость от людей. Однако социальность предполагает его связь с ними. Транзитивное и интранзитивное измерение было введено для того, чтобы описать эти взаимодействия, сохранив между ними баланс. Полярность взглядов на чувственное восприятие, с одной стороны, и умопостижение, с другой, необходимо, по нашему мнению, для осуществления научного поиска. Социальный мир сложнее, чем обе эти полярные точки зрения. Он балансирует между ними. В таком случае и ученым следует искать их синтез, а не скатываться в крайности. Разработки Р.

Бхаскара предлагают нам направление, в котором следует работать для того, чтобы приблизиться к осуществлению такого синтеза.

Если мы обратимся к миру природы, то легко обнаружим, что законы природы функционируют вне зависимости от нашего знания о них. Физические, химические и прочие процессы, происходящие как в рамках нашей планеты, так и за ее пределами, никак не могут быть сведены к нашему опыту. Не будь человека, на законах природы это никак бы не отразилось. Другое дело, когда мы говорим об обществе, существование которого неразрывно связано с существованием человека. Однако, было бы некорректно утверждать, что общество сводимо к нашему знанию о нем или к нашему опыту, по крайней мере по двум причинам. Во-первых, как мы можем быть уверены в том, что наше знание об обществе является исчерпывающим? Ну и, во-вторых, как мы можем утверждать, что чувственное восприятие обывателя может быть конечной информацией об обществе? Если принять хоть один из этих пунктов, то можно поблагодарить ученых за проделанную работу и смело закрыть все научные учреждения. Одно из невероятных общественных свойств заключается, по нашему мнению, в том, что, будучи полностью обязанным своим существованием людям, оно представляет собой нечто большее, чем просто сумма их представлений о нем. Критический натурализм Р. Бхаскара, который был объединен с его же трансцендентальным реализмом и привел к появлению такого направления как критический реализм, предлагает нам взгляд на общество как на природу в том смысле, что принимается его независимость от людей и его несводимость к нашему знанию о нем.

Каким должен быть мир для того, чтобы наука была возможна? По Бхаскару, такой мир должен быть независимым от людей и от их знания о мире. Более того, в таком мире должно быть два взгляда на рассмотрение объектов: транзитивный, который аккумулирует прошлое знание и создает на его основе новое, и интранзитивный, который рассматривает такие объекты изучения как структуры или механизмы в их независимости от людей и их

знания об этих объектах. Первичная установка трансцендентального реализма на то, что мир не сводим к нашему знаю о нем, для социологии означает позицию, согласно которой общество не сводимо к людям. Общественные (социальные) механизмы и структуры всегда опережают людей, что было показано выше. Они действуют независимо от людей и от их знания о них. Если мы говорим о «большой» социологической теории, то такая теория должна, несомненно, быть реалистской. На примере структурного функционализма, жизненный цикл которого подробно описан в «Наступающем кризисе социологической теории» А. Гоулднера, Т. Парсонс так и не смог найти равновесие реализма и номинализма: «сцена устроена, сценарий написан, роли распределены, а исполнители, как ни странно, отсутствуют»⁶. А если мы говорим о реалистской общей, претендующей на восстановление консенсуса внутри академического сообщества, то такая теория должна проработать и онтологические вопросы. В этом случае натуралистическая антипозитивистская концепция трансцендентального реализма Бхаскара может, по нашей оценке, успешно претендовать на то, чтобы быть основой такой теории, поскольку у Р. Бхаскара основной акцент сделан именно на важности разграничения онтологии и эпистемологии. Подводя промежуточный итог, можно с уверенностью говорить о том, что реализм Р. Бхаскара имеет несомненный потенциал в качестве основы для реалистской общей социологической теории.

⁶ Давыдов, Ю.Н. История теоретической социологии. Социология второй половины XX - начала ХХI века. Учебное пособие. - М.: Академический проект, 2010

Глава 2. Теория структурации Э. Гидденса и теория морфогенеза М. Арчер.

§1. Теория структурации Э. Гидденса

В предыдущей главе были сформулированы философские основы исследования. Это сделано для того, чтобы продемонстрировать кооперацию философии и социологии при изучении общества. Однако пусть основы и заданы философией, готовый продукт – социологическая теория – представляет собой самостоятельную разработку. Практический потенциал теории не менее важен, чем ее теоретическая основа. Отдельная большая дискуссия существует вокруг темы соотношения применимости и «теоретичности» социологии. Кто-то может считать, что наука об обществе излишне усложнена абстрактными построениями, которые лишь запутывают ученого. Другие полагают, что без должной теоретической основы толку от работы в поле не будет совсем. В рамках данной работы мы не будем

затрагивать эту тему. Уточним лишь, что для нас важна как применяемость теории на практике, так и ее объяснительный потенциал. Исследовательский вопрос, заданный во введении, показывает, что нас интересует, скорее, макроуровень. Однако в современных условиях общественного развития и усложнения, рассуждая над проблемой структуры-агентности, мы пришли к выводу о том, что к ее решению стоит подходить с точки зрения взаимовлияния некоторых социальных структур и индивидов. Мы не упускаем микроуровень анализа, но осуществляем его на принципиально иных условиях, нежели те, которые нам предлагает социологический реализм или индивидуализм.

В данной главе мы планируем раскрыть социологический потенциал философских разработок Р. Бхаскара на примере теории морфогенеза М. Арчер. Будет показано, что ее ориентация на то, чтобы быть общей социологической теорией во времена, когда социологи все охотнее отворачиваются от понятия «общество» и «больших» теорий, является не недостатком, а достоинством. Теория морфогенеза представляет из себя второе поколение теорий, опирающихся на рассмотрение отношений между структурой и агентность как отношений взаимовлияния. Поэтому мы считаем необходимым рассмотреть и первое поколение, ярким представителем которого является Э. Гидденс и его теория структурации. Попытка переосмыслить классическое наследие взглядов на проблему структуры-агентности в таких работах Э. Гидденса как *«New Rules of Sociological Method»* (1976), *«Central Problems of Social Theory»* (1979), *«The Constitution of Society: Outline to the Theory of Structuration»* (1984) многими была воспринята как прорыв. Значимость такого прорыва сложно недооценить. Действительно, для конца 70х – начала 80х годов XX века предложенная Э. Гидденсом теория предлагала всем сделать большой шаг вперед. Однако, у такой амбициозной теоретической попытки не могло не быть недостатков. И такие быстро отыскались. М. Арчер, кроме прочих, принимала активную роль в критике теории структурации. Краткий сравнительный анализ теории

структурации и теории морфогенеза, проведенный в предыдущей главе, является демонстрацией основных расхождений двух ученых. Предложенное Э. Гидденсом одновременное взаимовлияние структуры и агентности, названной дуализмом социальной структуры, и логическое разведение структуры и агентности с первичной ролью структуры, названное М. Арчер принципом аналитического дуализма, являются ключевыми отличиями теории структурирования и теории морфогенеза соответственно. Э. Гидденс описывает отношения структуры и агентности как две стороны одной медали. Такой подход обеспечивает ему возможность ставить знак равенства между ними. Получается, что ни структура, ни агентность не являются первичными по отношению друг к другу. Социальная структура, по Э. Гидденсу, представляет из себя совокупность правил и ресурсов. Социальная структура задает условия, в которых мы действуем. Наше взаимодействие изменят структуру. Взаимодействия, таким образом, аналитически приравниваются к правилам, по которым они осуществляются. С нашей точки зрения, этот момент нуждается в прояснении.

Для этого обратимся к тому, как Э. Гидденс определяет агентность. В «Новых правилах...» он пишет: «I shall define action or agency as the stream of actual or contemplated causal interventions of corporeal beings in the ongoing process of events-in-the-world»⁷. В самом начале определения Э. Гидденс как бы объединяет понятия «практика» и «агентность». За столь всеобъемлющую трактовку практики его немало критиковали. В своей статье В. Вахштайн отмечает, что «действие, редуцированное Гидденсом к практикам, оказывается не просто действием вне контекста, но действием, неотличимым от контекста»⁸. Здесь же он приводит слова⁹ М. Бертильсон о том, что

⁷ Giddens, A. New Rules of Sociological Method: a Positive Critique of interpretative Sociologies. London: Hutchinson. 1976. P. 81

⁸ Вахштайн, В. «Практика vs. Фрейм: Альтернативные проекты исследования повседневного мира» // Социологическое обозрение №1 том 7 2008 С. 71

⁹ Bertilsson, M. The Theory of Structuration: Prospects and Problems / A. Giddens: Critical Assessments / Ed. By C. Bryant, D. Jary Vol. 1. L.: Routledge, 1988. P. 55

идентификация всего с практиками лишает это понятие эмпирического смысла. Действительно, Э. Гидденс пишет о том, что когда он говорит о регулированных действиях людей, он имеет ввиду практики. Интересующая его проблема здесь – это не эмпирический смысл практик, а проблема герменевтики. Индивиды, по Э. Гидденсу, непосредственно участвуют в процессе структурации – процессе воспроизведения социальной системы – и каждое их действие, таким образом, тоже участвует в этом процессе. Это он и называет «причинными вмешательствами» (*causal interventions*). Они, таким образом, на некотором объективном уровне «понимают» то, как функционирует общество и принимают активное участие в его воспроизведении. Другое дело, что исследователь оказывается в ситуации, когда ему необходимо «расшифровать» повседневное взаимодействие индивидов. Ведь поскольку индивиды, по Э. Гидденсу, способны интерпретировать принципы общественного развития так, чтобы продолжать его воспроизведение, то социологу необходимо перевести на научный язык их интерпретацию. Э. Гидденс называет это «двойной герменевтикой» или интерпретацией интерпретации. Для того, чтобы добраться до принципов функционирования общества, необходимо зафиксировать то, каковы они в представлении обывателей. Все знание индивида об обществе Э. Гидденс объединяет под понятием «взаимного знания». Это понятие относится к интерпретативным схемам, в ходе использования которых индивиды определяют социальную жизнь «как имеющую значение»¹⁰. Когда Э. Гидденс аналитически уравнивает взаимодействия индивидов и правила, по которым они происходят, то он, таким образом, уравнивает суждения, которые относятся к нашему знанию о мире, с суждениями о самом мире. Это то, что Р. Бхаскар называет «эпистемологическим заблуждением». «Взаимное знание» о социальной реальности, которым, согласно Э. Гидденсу, мы обладаем, позволяет индивидам интерпретировать некоторые объективные принципы общественного функционирования и принимать участие в

¹⁰ Giddens, A. New Rules of Sociological Method: a Positive Critique of interpretative Sociologies. London: Hutchinson. 1976. P. 121

процессе воспроизводства социальной структуры. Общество, таким образом, сводится к социальным практикам индивидов, которые объединяют в себе всю деятельность. Но в то же время нельзя сказать, что структурация является тем, в чем индивид принимает осознанное участие. В предыдущей главе мы подчеркнули необходимость разделение онтологии и эпистемологии. Более того, мы провели последовательную критику онтологии, в основе которой лежит чувственный опыт. Э. Гидденс, в своем стремлении к построению теории на принципах синтеза социологического реализма и индивидуализма, все-таки, не удерживаясь между ними, впадает в индивидуализм. И это несмотря на то, что он обозначил условия деятельности и взаимодействия индивидов как создаваемые социальной структурой. Да, социальная структура изменяется под влиянием новых социальных взаимодействий, но затем снова создает новые условия для них. Аналитическое приравнивание структуры и агентности для исследователя означает, что вся информация о социальной структуре содержится в социальных практиках индивидов, осуществляемых на основе «взаимного знания». Это положение противоречит тому, что знание всегда существует до нас и независимо от нас. Э. Гидденс рассматривает социальную реальность как имеющую один уровень анализа, хоть он и разделен на два шага: создание структурой условий для взаимодействия, и изменение структуры этим взаимодействием. Но тогда предложенный им же принцип двойной герменевтики оказывается под вопросом. Если общество приравнивается к социальным практикам, то необходимость в «расшифровке» этих практик пропадает. Возникает ситуация, при которой понимание индивидами принципов общественного функционирования и поддержание ими процесса воспроизводства социальной структуры, что выражается через их социальные практики, является конечной информацией, которая должна интересовать сторонника идей теории структурации. С нашей точки зрения, предложенный Э. Гидденсом принцип двойной герменевтики является существенным для социологии. Однако его теория лишает этот принцип

исследовательского потенциала. Двойная герменевтика, или интерпретация интерпретации, позволяет нам аналитически разделить общество и индивидов. Мы утверждаем, что такое разделение необходимо для социологии, поскольку в противном случае мы выбираем онтологию, в основе которой лежит чувственный опыт, что может привести исследователя общества к творческому тупику. Да, все, что мы можем наблюдать и испытывать – это чувственный опыт. Но нет, сведение общества к чувственному опыту не является корректным. Если спросить обывателя о том, влияние каких общественных факторов на свою деятельность он может описать, этот список едва ли будет длинным. Здесь мы хотим подчеркнуть не то что исследователю не совсем ориентироваться на чувственный опыт информанта, но то, что не стоит этого делать в полной мере. Это кажется очевидным, ведь для того, в том числе, и существует наука: чтобы объяснять то, что не лежит на поверхности. Однако в социологических теориях, выбирающих в качестве основы онтологию, опирающуюся на чувственный опыт, возникает проблема или с операционализацией объективных понятий и концептов, или с самим их выделением.

Понятие структурации вводится Э. Гидденсом для того, чтобы «задать траекторию структурного анализа»¹¹. Изучать структурацию, таким образом, означает изучать условия непрерывного функционирования структур. Воспроизведение структуры можно понять, по Э. Гидденсу, разобравшись в том, как соединены между собой процесс структурации и сама структура. Он отмечает, что структура не сводима к группам и коллективам. Этот момент демонстрирует нам, как Э. Гидденс склоняется в противоположную от индивидуализма сторону, хотя выше мы зафиксировали обратное. В своей попытке уравновесить чашу весов, стремящуюся то к одной, то к другой крайней точке зрения, он провозглашает принцип дуальности структуры. Дуальность структуры означает, что социальная структура одновременно конституируется агентностью и является носителем (*medium*) агентности.

Giddens, A. New Rules of Sociological Method: a Positive Critique of interpretative Sociologies. London: Hutchinson. 1976. P. 127

Другими словами, социальная структура одновременно создает условия для агентности и изменяется под ее влиянием. В прошлой главе мы говорили о событийной лимитации, когда описывали принцип работы порождающих механизмов (*generative mechanisms*). Здесь мы видим некоторую общность принципов построения взаимосвязи компонентов аналитических разработок Э. Гидденса и Р. Бхаскара. Но одновременность Э. Гидденса сводит на нет его усилия по преодолению полярности реализма и индивидуализма.

По Э. Гидденсу, процесс структурации – это процесс воспроизведения социальной системы через взаимодействия индивидов. Аналитическое равенство предполагает одновременность взаимовлияния структуры и агентности. Концепция одновременности, предложенная Э. Гидденсом, означает практическую неуловимость таких изменений. Для социологии важно не только то, какое объяснение социальной реальности способна предложить теория, но и то, как этой теорией можно пользоваться для изучения этой социальной реальности. Неуловимость взаимовлияния структуры и агентности значительно усложняет их изучение. Так, представляется достаточно сложным в рамках теории структурации указать начальную точку отсчета для проведения конкретного исследования. Методологически это означает, что отсутствуют инструменты, которые социолог может использовать для работы с теорией структурации в поле.

Агентность для Э. Гидденса – это не просто способность индивида действовать на основе свободного выбора, но и «продолжающийся поведенческий поток»¹². Особенность агентности для Э. Гидденса заключается в том, что индивид может «действовать иначе». Причем, в любое время. Учитывая лимитированность, описанную выше, такой подход к трактовке агентности выглядит уместным. Такой аналитический ход ему необходим для того, чтобы обеспечить себе отсутствие критики со стороны противников детерминизма. Социальное поведение, как он пишет уже в

¹² Giddens, A. Central problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis. London: Macmillan, 1979. P. 55

«Устроении общества...», является необходимым условием существования структурных свойств социальных систем. Э. Гидденс придает большое значение повседневности в процессе структурации. Повседневность состоит из рутинизированных практик, которые ограничены условиями, заданными социальной структурой. Но, будучи реализованными в обозначенных рамках, рутинизированные практики оказывают решающее влияние на структуру, обеспечивая ее воспроизведение. Сам Э. Гидденс пишет, что «фундаментальным концептом теории структурации является рутинизация»¹³. Мы видим на этом примере, насколько важно для Э. Гидденса подчеркнуть роль людей в процессе общественного воспроизведения. Он ставит их на одну ступень с социальной структурой, говоря об из дуальности. На примере его работ мы видим, как он пытается выстроить такую аналитическую рамку, которая позволила бы ему пройти между реализмом и индивидуализмом. Из года в год он улучшает свой подход к пониманию социальной реальности, но ему, будто бы, чего-то не хватает. С нашей точки зрения, проблема заключается не в том, что в попытке улучшить свою теорию и избежать полярных точек зрения на проблему структуры-агентности Э. Гидденс все-таки увлекается то индивидуализмом, то реализмом, а в том, что выбранный им принцип дуальность структуры, который выражается в аналитическом равенстве структуры и агентности, изначально накладывает на его теорию непреодолимые ограничения. Суть этих ограничений сводится к необходимости использования онтологии, в основе которой лежит чувственный опыт. Как мы показали в предыдущей главе, сведение онтологии к эпистемологии для социологии означает образование исследовательских границ, не позволяющих в полной мере изучать социальную реальность. Концепция трансцендентального реализма Р. Бхаскара, подробно изложенная в предыдущей главе, содержит последовательное изложение аргументов в пользу того, что социальные структуры и механизмы существуют и функционируют независимо от людей

¹³ Giddens, A. The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. Cambridge: Polity Press, 1984. P. 23

и от знания людей о них. Позиция же Э. Гидденса, в свою очередь, содержит явное стремление к тому чтобы дать индивидам первичный статус перед социальной структурой. Да, он использует принцип дуальности структуры, чтобы избежать обвинений в индивидуализме. Но в то же время ставит во главу угла концепт рутинизации социальных практик. Так, он все же теряет «активно действующего индивида», растворяя его в социальных практиках. Выше уже были отмечены негативные моменты, связанные с излишне широкой трактовкой Э. Гидденсом практик, поэтому здесь мы хотели бы обратить внимание именно на первичность практик по сравнению с индивидами, их осуществляющими. Статус практик в контексте теории структурации понятен – они играют непосредственную роль в процессе воспроизведения социальной структуры, в ее постоянном изменении. Однако отмеченный нами уход Э. Гидденса от самих агентов социальных практик – индивидов – выглядит весьма сомнительно. Дело в том, что теория структурации разрабатывалась как альтернатива классическим решениям проблемы структуры/агентности. И ее решение звучит следующим образом: отношения между структурой и агентностью следует понимать как отношения взаимовлияния. Агентность индивида подчеркивает его независимость от некоторой социальной структуры в процессе принятия решений в частности, и когда мы говорим о его поведении в общем. Но когда Э. Гидденс одновременно ставит во главу угла рутинизированные социальные практики, ограниченные социальной структурой, и структурацию, то в такой аналитической конструкции просто не остается места для человека. Как мы отмечаем по ходу разбора теории структурации, у Э. Гидденса очень многие моменты совпадают с разработками Р. Бхаскара. Однако они принципиально расходятся в вопросе онтологии. А поскольку этот вопрос определяется нами как первоочередный для социологии, мы фиксируем главный недостаток теории структурации в виде принятия онтологии, в основе которой лежит чувственный опыт, которая не позволяет ученному аналитический выйти на структурный уровень и накладывает на его

теорию значительные ограничения, имеющие существенное значение, поскольку эта теория претендует на то, чтобы быть общей социологической теорией. А общая социологическая теория, и мы показали это в предыдущей главе, должна базироваться, в том числе, на принципе несводимости онтологии к эпистемологии, или, другими словами, наших суждений, касающихся социальной реальности, к суждениям, касающихся нашего знания о социальной реальности.

В «Устроении общества...» Э. Гидденса мы находим следующую строчку, подтверждающую наши опасения о ненамеренном уходе социолога от индивида: «правила в большей или меньшей степени эквивалентны привычке или рутине»¹⁴. С одной стороны, Э. Гидденс развивает, таким образом, свой тезис о том, что для понимания взаимовлияния структуры и агентности необходим принцип дуальности структуры. С другой стороны, настолько явное слияние структурного и индивидуального уровней наводит на мысль о том, что здесь имеет место не взаимовлияние структуры и агентности, а их непосредственное единство. Причем, это единство концептуализируется как рутинизация. Получается, что акцент с воспроизведения социальной структуры переключается на воспроизведение рутинизированной социальной практики. Обнаружив подобное отклонение от изначально намеченного Э. Гидденсом курса мы снова связываем с тем, что он наделил социальную структуру и агентность аналитически равномерными детерминантами процесса структурации. Равенство привело его к неизбежному перетеканию одного элемента анализа в другой. А это, в свою очередь, стало причиной и вовсе их слияния. Но мы считаем необходимым отметить, что интенция Э. Гидденса не состояла в том, чтобы прийти к подобного рода слиянию. Многие аналитические элементы его теории, такие как: лимитированность социальных практик, возможность индивидов «действовать иначе» внутри заданных ограничений, попытка выделения

¹⁴ Giddens, A. The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. Cambridge: Polity Press, 1984. P. 19

некоторого структурного уровня – позволяют нам утверждать, что изначальная идея была в том, чтобы одновременно свести структуру и агентности, но в то же время оставить их разведенными разными (и это важно) сторонами пусть и одной медали. Зафиксированное же нами сращение стало непреднамеренным результатом пусть и намеренных действий. Социальные структуры, согласно теории структурации, оказываются встроены в социальные практики, что подтверждает их сращение. Хотя в то же время Э. Гидденс пишет о том, что «акторы не создают социальные системы, они воспроизводят или трансформируют их, учитывая то, что уже сделано»¹⁵. Это «уже сделано» вновь отсылает нас к предыдущей главе, в которой утверждалось, что, например, знание, существует независимо от нас и, что самое главное, оно существует до нас. Так и у Э. Гидденса социальные системы, которые он определяет как совокупности интеракций индивидов, существуют вне агентности, пусти и активно воспроизводятся и изменяются ей. Этот, казалось бы, незначительный пункт вновь выводит нас на то, что Э. Гидденс, в целом, двигался в совершенно корректном с точки зрения несводимости онтологии к эпистемологии направлении. Но, как мы видим, этот и другие существенные утверждения «тонут» в его изначальной посылке об аналитическом равенстве структуры и агентности. Более того, если мы обратимся к такой его цитате как: «Существует множество социальных сил, которым индивид не в силах противостоять»¹⁶, то тот смысл, который он вкладывает в теорию, с одной стороны, и то, что получилось в результате – с другой, в некотором смысле противоречит друг другу. С точки зрения основных положений критического реализма, изложенных в предыдущей главе, приведенная цитата звучит в высшей мере корректно. Однако, с точки зрения того непреднамеренного сращения структуры и агентности, которое получил Э. Гидденс в рамках своей теории структурации, выделенная фраза

¹⁵ Giddens, A. The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. Cambridge: Polity Press, 1984. P. 171

¹⁶ Giddens, A. The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. Cambridge: Polity Press, 1984. P. 178

не согласуется с тем, что «социальные силы» у Э. Гидденса превращаются в вездесущие социальные практики, что было показано выше. Получается, что индивид оказывается не в силах противостоять социальным практикам. И здесь не было бы ничего необычного, если бы не начальная установка Э. Гидденса уйти от детерминизма агентности и сохранить активно действующего самостоятельного индивида. Здесь мы снова фиксируем тенденцию теории структурации «растворить» индивида в рутинизированной социальной практике.

Реалистские установки Э. Гидденса, тем не менее, оставляют нам некоторую уверенность в том, что результат, к которому он пришел при составлении теории структурации, оказался именно непредвиденным последствием. Это подтверждается, когда он пишет о том, что, по его мнению, ни один механизм или вид социальной организации не может быть недосягаемым для социолога. Это совпадает с установкой критического реализма на то, что социальные механизмы достижимы и изучаемы.

§ 2. Теория морфогенеза М. Арчер

В первом параграфе данной главы мы обратились к творчеству Э. Гидденса, чтобы лучше познакомиться с первой попыткой теоретического синтеза реализма и индивидуализма после второго социологического кризиса 60-70х годов XX века. Нами были обнаружены многочисленные сходства теории структурации Э. Гидденса с концепцией трансцендентального реализма Р. Бхаскара. В то же время, мы выявили и их критическое расхождение. Проблема структуры-агентности всегда имела большой потенциал для дискуссии внутри научного сообщества, однако Э. Гидденс

перевел ее на новый уровень, предложив принцип дуальности социальной структуры. В данной главе мы сфокусируемся на рассмотрении теории морфогенеза М. Арчер, которая, критикуя Э. Гидденса, в то же время предложила собственный социологический взгляд на понимание отношений между структурой и агентностью как отношений взаимовлияния. Как было сказано в предыдущей главе, и теорию структурации, и теорию морфогенеза, как правило, относят с реалистским теориям. Тем не менее, нами было выявлено, что теория структурации имеет ряд существенных недостатков, если рассматривать ее с реалистских позиций. Приведенный в первом параграфе первой главы сравнительный анализ двух теорий показал, что разработка М. Арчер в большей степени отвечает требованиям социологической теории, построенной в рамках такого направления как реализм. Более того, доподлинно известно, что она во многое опиралась на работы Р. Бхаскара. В своей критике теории структурации она сфокусировалась, кроме всего прочего, на одновременности взаимовлияния структуры и агентности, о которых писал Э. Гидденс. Кроме того, она критикует Э. Гидденса за практическую неприменимость его теории из-за высокой степени абстрактности (например, при чрезвычайно широкой трактовке «социальных практик», о которой мы упоминали в предыдущем параграфе). Установленное нами «растворение» индивида в социальных практиках у Э. Гидденса свидетельствует скорее в пользу слов М. Арчер, однако мы бы хотели уточнить этот момент. Теорию структурации по-своему можно считать практически применимой. Вопрос заключается в том, какие цели перед собой ставит исследователь. Вероятно, когда М. Арчер говорит о сомнительности практического потенциала теории структурации, она имеет ввиду, что для целей, которые изначально преследовал Э. Гидденс и преследует сама М. Арчер, его теория не годится. По всей видимости, теория Э. Гидденса хороша для изучения социальных практик, но это вопрос больше дискуссионный, и мы не будем на нем заострять свое внимание в рамках данной работы. Главное же здесь то, что теория структурации скорее не

способна выйти на некоторый объективный уровень социальной реальности и описать его. Вполне возможно, что таких целей Э. Гидденс перед собой и не ставил, но некоторые моменты, особенно подчеркнутые нами в предыдущем параграфе, говорят скорее об обратном. М. Арчер же, напротив, весьма открыто позиционирует свою теорию как претендента на то, чтобы называться полноценной общей социологической теорией. Для этого, кроме всего прочего, она и обращается к направлению критического реализма, которое особое внимание уделяет недопустимости сведения онтологии к эпистемологии. Именно на этом фундаменте и создается теория морфогенеза М. Арчер. Стоит отметить, что, опираясь на философские разработки, она нисколько не уходит от социологии. Напротив, в своих работах *Culture and Agency: The Place of Culture in Social Theory* (1988), *A Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach* (1995) она настойчиво повторяет, что социологическая теория должна быть применима на практике. Для того, чтобы достичь этого, в своих трудах она достаточно внимание уделяет не столько концептуализированию социальной реальности, сколько демонстрации в схемах и примерах того, как предложенные ей идеи выглядят в условиях реального мира.

Как было выделено при проведении сравнительного анализа в предыдущей главе, теория морфогенеза имеет в своей основе принцип аналитического дуализма. В отличие от Э. Гидденса, которой уравнивает между собой структуру и агентность, М. Арчер предлагает аналитическое разведение этих элементов теории. Она соглашается с Э. Гидденсом в том, что действительно стоит рассматривать отношения между структурой и агентностью как отношения взаимозависимости, но подходит к развитию этой мысли иначе.

Прежде всего нам хотелось бы отметить, что М. Арчер не пытается уйти от понятия «общество». Она не исключает его из своего анализа социальной реальности. Напомним, что в первой главе мы подробно рассматривали эту проблему в ее связи со вторым социологическим кризисом

60х-70х годов XX века. Таким образом, М. Арчер оказалась среди тех, кто не поддался ни на идеи критической теории, ни на агитацию постмодернистов. Общество, по М. Арчер, так или иначе зависит от человеческой активности. Допуская это, она развивает мысль в сторону содержания в «обществе» некоторых человеческих компонентов (*human components*). И то, как оно «выглядит», зависит от человеческой активности в каждый конкретный промежуток времени. Далее М. Арчер сразу устанавливает строгую зависимость людей от общества. Так она подходит к своему анализу отношений индивида и общества. С нашей точки зрения, такой абстрактный подход является, отчасти, вынужденной мерой, поскольку работа с абстрактным понятием «общество» не может не оказать влияние на то, как о нем будет рассуждать социолог. Для нас здесь важно то, что М. Арчер не отворачивается от этого понятия, а фиксирует его существенность в социологическом дискурсе. Отношения между индивидом и обществом на языке социологии и концептуализированы в виде отношений структуры и агентности. Когда мы говорим «структура», то сразу возникают сопутствующие этому понятию формы функционирования, различные связанные с ними процессы и прочее. Безусловно, «структура» для социолога – более приемлемое понятие. Однако, с нашей точки зрения, изучать социальную структуру и говорить при этом о том, что общества нет – по крайней мере не корректно. М. Арчер исходит из посылки о том, что мы одновременно свободны и не свободны в контексте процесса принятия решений. Свободными нас делает наша рефлексивность, не свободными – особенности устроения социальной реальности, где одновременно на нас оказывают влияние множество различных социальных факторов, часто не осознанных. В рамках своей работы *A Realistic Social Theory* М. Арчер предпринимает попытку построения применимой на практике социологической теории, которая была бы составлена на основах критического реализма. Для того, чтобы обозначить нишу своей теории, она выделяет три основных, как она их называет, «срещения», которые имеют

место в социологической теории. Первое, нисходящее сращение, представляет знакомую нам ситуацию, при которой поведение индивида предлагается понимать как детерминированное социальной структурой. Второе, восходящее сращение, соответственно, представляет такое направление социальной мысли, где уже социальная структура понимается как формируемая взаимодействиями индивидов, действующих на основе свободного выбора. Центральное сращение, к которому М. Арчер относит теорию структурации Э. Гидденса, предлагает решение проблемы структуры/агентности на основе принятия положения об их эквивалентности. Так, М. Арчер разделяет известные направления теоретизирования на три самостоятельных вида. Сама она не принимает ни один из них. Она мотивирует это тем, что «социальные теоретики робеют перед эмерджентностью»¹⁷. По ее мнению, социолог должен не просто «знать», что есть социальная реальность, но уметь объяснить ее. Для этого необходимы соответствующие теоретические инструменты, исследовательская программа. Теория может быть сколь угодно хорошо написана, но если она не реализуема на практике, то это означает, что такая теория некорректно описывает социальную реальность или ее существенную часть. «Морфо-» в морфогенезе означает, по М. Арчер, что общество понимается не как нечто предсуществующее или имеющее некоторое объективно заданное предсостояние, «-генезис» означает, что общество формируется как результат активности людей, а именно как совокупность намеренных и ненамеренных последствий деятельности агентов. Применимость социологической теории на практике может выражаться, например, в решении социальных проблем, поэтому ей необходима своя онтология, которая не будет существовать в отрыве от методологии. М. Арчер вводит в социологическую теорию концепт эмерджентности, который можно кратко описать как принцип несводимости свойств некоторого элемента анализа к свойствам других элементов анализа, их которых первый был образован. Мы кратко коснулись темы эмерджентных

¹⁷ Арчер М. Реализм и морфогенез / Перевод с английского Оберемко О. А.; научный редактор перевода Филиппов А. Ф. // Социологический журнал. – 1994. – № 4.

свойств при проведении сравнительного анализа теории структурации и теории морфогенеза в первом параграфе предыдущей главы. Введение такой категории анализа как эмерджентность требует выбора соответствующей онтологии. И здесь уже прослеживается влияние критического реализма на теорию морфогенеза М. Арчер. Изучение эмерджентного уровня предполагает выработки критериев, по которым мы могли бы судить о том, что изучаемая единица анализа перешла на этот уровень. Ее несводимость к образовавшим ее прочим единицам анализа требует выработку новых дефиниций, которые бы корректно описывали новообразовавшуюся единицу анализа. Для своей онтологии М. Арчер определяет общество как логически первичное по отношению к индивиду. Соответственно, социальная структура понимается как первичная по отношению к агентности. Подобное разведение структуры и агентности ложится в основу принципа аналитического дуализма.

Изучая роль онтологии для методологии, М. Арчер обращается к уже имеющимся в научном поле индивидуалистским и коллективистским теориям. Так, она отмечает, что в зависимости от того, какая онтология задана изначально теоретиком, такая и получится теория вне зависимости от того, в какую сторону ее захочет повернуть автор. В этом мы убедились в первом параграфе данной главы, когда зафиксировали ограничения, которые онтология, выбранная Э. Гидденсом, создала для его теории структурации. Неправильно выбранная онтология может не позволить ученыму достичь желаемых результатов. И даже Э. Гидденс столкнулся с этим, хоть и предпринимал множественные попытки преодолеть возникшие перед ним теоретические барьеры. Так, М. Арчер заключает, что выбор онтологии является чрезвычайно важным этапом в процессе построения социологической теории. Ее намерение создать теорию вокруг концепта эмерджентности подсказал, какая онтология ей необходима для того, чтобы не столкнуться с теми сложностями, с которыми столкнулся, например, Э. Гидденс. Принимая тезис о взаимовлиянии социальной структуры и

агентности, М. Арчер приходит к выводу о том, что реалистская онтология станет тем необходимым фундаментом, на котором будет базироваться ее теория. Далее мы хотели бы обратить внимание на следующий тезис, сформулированный М. Арчер: «То, как мы представляем себе социальную реальность, не должно отличаться от того, что мы должны обнаружить в ходе нашего исследования»¹⁸. Этот тезис демонстрирует связь онтологии и методологии, а именно – влияние первой на вторую. Если мы корректно подберем инструменты для изучения концептуализированной нами в рамках некоторой теории социальной реальности, то полученные нами данные будут именно о том, что мы концептуализировали, и ни о чем другом. Этот простой, на первый взгляд, тезис, содержит в себе установку на серьезную работу по контролю соответствия методологии выбранной до этого онтологии. Разные онтологии предполагают разные принципы функционирования социальной реальности. Разные принципы функционирования, соответственно, нуждаются в различной методологии. Надо сказать, что это более глубокий уровень теоретизации, чем мы привыкли видеть. Современные исследователи зачастую не озабочиваются такими вопросами как соответствие методологии онтологии или как выбор онтологии в принципе. С нашей точки зрения, если социологическое исследование претендует на то, чтобы корректно описывать социальную реальность, в первую очередь его теоретико-методологические основы должны пребывать в теоретической гармонии. Если программа исследования основана на противоречащих друг другу основаниях, то результат такого исследования можно считать непредсказуемым и уж точно ненаучным. Так, М. Арчер отвергает и индивидуализм, и коллектivism, поскольку их трактовка структуры, агентности и отношений между ними «неприемлема». Индивидуализм, по мнению М. Арчер скатывается к атомизму, когда утверждает, что индивиды независимы от социального контекста. Индивидуализм предполагает, что социальная структура не независима, не может трактоваться как

¹⁸ Archer, M. Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach, Cambridge University Press, Cambridge, 1995. P. 23

предсуществующая и не может оказывать причинного эффекта на индивида. Все три положения представляют собой обратную точку зрения, нежели предполагаемая введением в социологический дискурс категории эмерджентности. В случае с коллективизмом М. Арчер указывает на то, что при всей настойчивости, с которой это направление лоббирует независимость некоторых структурных компонентов, в его рамках не создано такой концепции социальной структуры, которая была бы подкреплена соответствующей онтологией. Коллективисты, несмотря на то, что они провозглашают независимое существование некоторой объективной социальной структуры, ограничиваются идеалистическими взглядами и руководствуются недостижимостью этой структуры. Ошибка коллективистов, по М. Арчер, заключается в том, что они, ничего не изменяя, кроме базовой метафоры, переняли онтологию у индивидуалистов.

Реалистская же онтология, допускающая независимое функционирование социальных структур, также работает с их интранзитивными свойствами. Для М. Арчер интранзитивные свойства являются не познаваемыми до конца, кроме тех случаев, когда они рассматриваются в их связи с агентам. В этом смысле она выступает против суждения о том, что структура и агентность являются неразделимыми. Напротив, пишет она, если мы будем анализировать структуру и агентность с точки зрения их взаимовлияния, то аналитически не удастся избежать такого разделение. В противном случае, не имея первичного элемента анализа, мы не сможем использовать реалистскую онтологию. Ввод категории эмерджентности позволяет осуществить необходимое разделение. Принцип аналитического дуализма, положенный М. Арчер в основу теории морфогенеза, базируется на следующей основной посылке: социальный мир понимается как стратифицированный. Это позволяет говорить о том, что и структура, и агентность, и культура имеют свои эмерджентные свойства, не сводимые друг к другу и к сумме свойств, образовавших их. В некотором роде эта мера объясняется тем, что социологу при изучении общества

зачастую приходится работать в открытой системе. А для того, чтобы корректно провести анализ и зафиксировать интересующие моменты, и необходимо аналитическое разделение структуры и агентности. Их разделение предполагает и разделение их свойств для того, чтобы выделение эмерджентных структур стало возможным. Далее, исследователю необходимо провести разделение причинных сил (*causal powers*) и влияния, оказываемого социальным взаимодействием. Другими словами, аналитическое разделение структуры и агентности позволяет изучать их взаимовлияние и как связь, и как отдельные процессы. Наконец, такой подход обеспечивает исследователю возможность сфокусироваться на результате, нежели чем просто на некоторых явлениях (этот момент обусловлен основными положениями критического реализма). Из проведенного разделения следует, что социальная структура не сводима к социальным практикам. Как мы установили в предыдущем параграфе данной главы, у Э. Гидденса подобное сведение имело место. М. Арчер же, в свою очередь, стремится его избежать, поскольку подобная редукция противоречит онтологии, избранной М. Арчер в качестве основы для своей теории.

Разработки Р. Бхаскара привлекли М. Арчер, поскольку его трансцендентальный реализм позволяет избежать крайностей индивидуализма и холизма. Эта философская платформа может стать основой, на которую будут опираться социологические теории, поскольку она имеет значительный социологический потенциал. Однако, как мы, так и М. Арчер отмечает, что разработки Р. Бхаскара имеют некоторые сходства с теорией структурации Э. Гидденса. Поэтому перед тем, как перейти к тому, чтобы показать возможность дополнения концепции трансцендентального реализма теорией морфогенеза, необходимо провести разграничение между обозначенной концепцией и теорией структурации. Другими словами, для М. Арчер необходимо установить, что реализм Р. Бхаскара нельзя в полной мере отождествлять с попыткой центрального сращения, прежде чем работать с ним в рамках своей теории. Прежде всего, подчеркнем неприемлемость для

центрального сращения допущения введения в анализ такой категории как категория эмерджентности. В случае с концепцией Р. Бхаскара, устанавливающего, что мир не сводим к нашему знанию о нем, такая категория не противоречит, а косвенно даже оказывается включена в его концепцию. В своей работе *A Possibility of Naturalism* (1979) Р. Бхаскар приводит¹⁹ шесть основных пунктов того, на что должна, по его мнению, опираться социологическая теория, имеющая в своей основе посылку о несводимости онтологии к эпистемологии. Эти пункты, соответственно, следующие:

1. Общество не сводимо к индивидам;
2. Социальные формы представляют собой формируемые социальной структурой условия, в рамках которых индивиды могут взаимодействовать;
3. Мы можем говорить о социальных формах как об объектах исследования тогда и только тогда, когда мы подразумеваем их автономное предсуществование по отношению к индивидам;
4. В основе социальной реальности лежит сила вещей (power of things), которая выражается в каузальном воздействии социальных форм;
5. Посылка о предсуществовании социальных форм является базовой;
6. Каузальное воздействие социальных форм следует понимать как опосредованное деятельностью индивидов.

Эти шесть пунктов представляют собой критерии для проведения более полного сравнительного анализа теории структурации Э. Гидденса и теории морфогенеза М. Арчер. В первом пункте приводится модель того, как

¹⁹ Bhaskar, R. The Possibility of Naturalism. London: Routledge, 1979. P.25-26

связаны или не связаны структура и агентность. В случае с теорией морфогенеза, фокус исследователя оказывается смешен непосредственно с установления легитимности подобного рода модели на рассмотрение взаимовлияния или взаимосвязи между структурой и агентностью. Ввод эмерджентного уровня в анализ предполагает независимость новообразованных структурных свойств. В рамках теории структурации мы не обнаруживаем прямого утверждения сводимости общества к индивидам. С другой стороны, проведенный нами анализ основных положений и следствий из них, приведенный в предыдущем параграфе данной главы, указывает, что в качестве одного из непредвиденных последствий Э. Гидденс обрек общество на редукцию к социальным практикам. Но, поскольку, и индивиды им были обречены на ту же участь, то косвенно его теория все же допускает сведения общества к индивидам. Однако косвенных свидетельств не всегда может оказаться достаточно, поэтому по данному пункту мы займем «официальную» позицию, которая состоит в том, что прямо в рамках теории структурации нигде не утверждается о сводимости общества к индивидам. Первый критерий важен с онтологической точки зрения. Как нами было отмечено выше, гармония онтологии и методологии обеспечивает социологической теории применимость на практике. М. Арчер проводит четкое разделение между структурой и агентностью и оговаривает, что ее интересует не столько модель их сосуществования, сколько их связь и взаимовлияние. Второй пункт более социологичен, поэтому обе теории справляются с ним без необходимости к двойным смыслам. В рамках теории структурации структурные свойства формируют среду, в которой индивиды вступают в социальное взаимодействие. Можно пойти дальше и сказать, что они не столько формируют эту среду, но сами являются такой средой для социального действия. Согласно мнению М. Арчер на этот счет, она не стремится насовсем порвать с миром природы и ограничить целенаправленность социального действия исключительно социальными формами. Это тот момент, когда теория морфогенеза не стремится «нырнуть с

головой» в структурные свойства и описать через них большинство социальных явлений. Она, скорее, хочет указать нам на то, что и агентность имеет свой эмерджентный уровень, который предполагает ее некоторую автономность даже от структурных свойств. Этот момент, с нашей точки зрения, нуждается в уточнении. С одной стороны, утверждая, что в рамках социологии мы изучаем социальную реальность, а не, скажем, физическую, мы проводим, таким образом некоторое аналитическое разделение интересующего нас исследовательского поля. С другой стороны, в рамках социологии мы не можем упускать роль физических объектов в социальной жизни. Особенно это справедливо тогда, когда мы говорим об изучении повседневности. Например, теория структуралистского конструктивизма П. Бурдье, вводя в социологический дискурс различные типы капитала, значительное внимание уделяет объективированным формам культурного капитала или экономическому капиталу. Таким образом, социологи, провозглашая в качестве своего основного научного интереса изучение социальной реальности, тем не менее не могут не учитывать роль физических объектов в том, что называется социальным взаимодействием. Другое дело физические явления. Надо сказать, что природа, в широком смысле слова, также оказывает влияние на социальное взаимодействие. В том числе и на степень нашей рациональности. Достаточно привести пример любого природного катаклизма, когда люди паникуют, будучи вырваны из своего повседневного контекста, и совершают те или иной действия, в том числе и направленные на других людей. Здесь имеет место и девиантное поведение, и трансформация рационального поведения, и многое другое. Приведенное пояснение позволяет лучше разобраться в том, что именно имеет М. Арчер, когда не стремится окончательно порвать с миром природы при трактовке целенаправленного действия. Следующий критерий сравнения носит принципиальный характер. И автономность, и предсуществование социальных форм является одной из основных посылок реалистской онтологии. Так, если речь идет о гармонии онтологии и методологии,

исследователю необходимо при формулировании основных гипотез ориентировать на ту онтологическую позицию, которую он занимает по данному вопросу. Согласно теории морфогенеза, структура имеет аналитически первичный статус по отношению к агентности, несмотря на то что последняя ее трансформирует. Это ведет нас к тому, что для исследователя важно зафиксировать некоторый момент во времени (или фазу), когда изучаемые структурные или социокультурные свойства будут ограничивать социальное взаимодействие. Другими словами, социологу необходимо методологически установить рамки социального взаимодействия, при этом связав их со структурным или культурным уровнем. Такой подход в качестве преимущества имеет ориентацию на раскрытие природы конкретных социальных отношений или связей, не вступая в противоречие с выбранной исследователем ранее онтологией. Более того, с таким подходом можно претендовать на описание природы самой структуры или культуры, но такое исследование требует большей тщательности, поскольку, по нашему мнению, оно будет представлять из себя описание структурного или культурного развития, что, свою очередь, может потребовать значительное время на реализацию. Именно для возможности фиксирования развития социальных форм и был введен концепт эмерджентности. Дело в том, что переход на эмерджентный уровень при исследовании развития социальных форм как раз является тем самым критерием, на основе которого можно говорить о том, что развитие имеет место. Автономность, по М. Арчер, имеет временный характер. Это означает, что, будучи эмерджентными, структурные или культурные свойства, тем не менее, не остаются такими навсегда. Напротив, новый эмерджентный уровень производит (если можно так сказать) новые условия и пределы социального взаимодействия. Соответственно, новое социальное действие изменяет лимитировавший его эмерджентный уровень. Вероятно, аналитическое значение эмерджентности состоит не столько в том, чтобы указать на автономность и существование социальных форм, сколько в

том, чтобы предложить исследователю корректный инструмент для работы как со структурным и культурным уровнями, так и с уровнем, на котором осуществляется социальное взаимодействие. Более того, этот инструмент позволяет изучать связь структуры и агентности. Преднамеренные и непреднамеренные последствия социального взаимодействия представляют собой тот самый материал, на основе которого социолог может установить закономерности или причинно-следственную связь, которая его интересует. Если в контексте данного критерия мы обратимся к теории структурации Э. Гидденса, то обнаружим, что социальные системы существуют не автономно, а исключительно в процессе их структурации. Когда мы говорим о предсуществовании и автономности, мы подразумеваем аналитическое разделение процесса взаимовлияния структуры и агентности на фазы, которые, в широком смысле, относятся к разным временными промежуткам. В случае же с теорией структурации, которая провозглашает одновременное влияние структуры на агентность и агентности на структуру, а также их аналитическую эквивалентность, предсуществование и автономность структурных свойств могло бы прервать рекурсивный характер процесса воспроизведения социальной структуры. Когда Р. Бхаскар говорит о том, что знание существует до индивида, а О. Конт в своей известной цитате говорит о том, что общество, скорее, состоит из мертвых, чем из живых, они обращают наше внимание на важную роль фазы предсуществования и автономности для социолога. Именно поэтому мы указали, что данный пункт сравнения носит принципиальный характер, и мы видим, как отличаются подходы к его интерпретации у Э. Гидденса и М. Арчер. Следующий – четвертый – критерий сравнения требует от нас дополнительной аккуратности, поскольку здесь однозначный ответ не позволит раскрыть истинный смысл данного пункта. Дело в том, что положительный или отрицательный ответ по поводу тезиса Р. Бхаскара о том, что сила вещей (power of things), выражаясь в каузальном воздействии социальных форм, является основой социальной реальности, предполагает некоторые

конкретные ответы и на предыдущие его тезисы. Только в связке весь набор установок, выраженный в шести тезисах, приведенных выше, будет «работать». По мнению Р. Бхаскара, модель центрального сращения, предложенная М. Арчер для отнесения теории структурации к традиции изучения отношений между структурой и агентностью как отношений взаимовлияния, должна быть подвергнута корректировке. А восходящее или нисходящее сращение и вовсе должны быть отвергнуты: «в первой модели есть действие, но нет условий, во второй – есть условия, но нет действия, третья модель не делает различий между ними»²⁰. По М. Арчер, эмерджентные структурные и социокультурные свойства обеспечивают условия для социального взаимодействия. В широком смысле это означает, что они обуславливают саму деятельность акторов. В таком случае мы не можем отказать им в реальности в том смысле, что они, с научной точки зрения, достижимы и могут быть обнаружены и зафиксированы. Э. Гидденс, в свою очередь, в рамках своей теории структурации сводит, как нами было отмечено в предыдущем параграфе данной главы структурные свойства к свойствам социальных практик, «тем самым скатываясь к свойственной индивидуализму стратегии «персонализации» и являя собой один из примеров отчаянной попытки втиснуть неуловимое социальное в якобы более осозаемые рамки индивидуального»²¹. Э. Гидденс ограничивает исследователя, решившего вооружиться теорией структурации, возможности изучать каузальные силы социальных форм, поскольку он аналитически свел структуру и агентность и провозгласил одновременность из взаимоконструирования, создав, таким образом, ситуацию, при которой выделение каузальных сил из этого безфазного замкнутого цикла аналитически не представляется возможным. По М. Арчер, для того, чтобы говорить о возможности исследования каузальных сил структурных свойств, социальное взаимодействие необходимо аналитически разделять с

²⁰ Bhaskar, R. Reclaiming Reality. London: Verso. 1989. P. 77

²¹ Арчер, М. Реализм и морфогенез / Перевод с английского Оберемко О. А.; научный редактор перевода Филиппов А. Ф. // Социологический журнал. – 1994. – № 4.

пределами, в рамках которых оно осуществляется. В этом и заключается связка тезисов Р. Бхаскара, где из одного суждения вытекает следующее. Последний критерий сравнения символизирует сделанное Р. Бхаскаром различение транзитивного и интранзитивного измерений объектов. Социальные механизмы функционируют вне зависимости от нашего знания о них. Прошлое знание, которое используется индивидами для производства нового знания, которое для следующего поколения будет прошлым знанием, олицетворяет собой то, что М. Арчер называет морфогенетическим циклом, в котором при аналитическом разведении структуры и агентности, последняя, тем не менее, рассматривается как оказыающая влияние на трансформирование первичной по отношению к ней структуры. Непосредственная роль социального взаимодействия в процессе воспроизведения структуры и культуры и в формировании их эмерджентных свойств является следствием тезиса об обусловленности социальных форм актом интеракции.

Подводя итог второй главы, мы хотели бы сформулировать окончательный вердикт по соперничеству теории структурации Э. Гидденса и теории морфогенеза М. Арчер за предложение более корректного взгляда на то, как устроена социальная реальность. Как верно заметила М. Арчер, социологическая теория, в первую очередь, должна показывать практические результаты при ее использовании исследователем. По этому пункту нами были выявлены значительные ограничения, накладываемые теорией структурации на исследователя социальной реальности, который является сторонников реалистских установок. Мы обозначили эти ограничения как непредвиденные последствия аналитического уравнения структуры и агентности со стороны Э. Гидденса. Теория морфогенеза М. Арчер, в свою очередь, удовлетворительно справилась с внедрением реалистских положений в свою теорию, с одной стороны, и с сохранением социологической целостности, которая выражается на отсутствии противоречий между содержащимися в рамках теории концептами и

ориентацией на практическую применимость, с другой. Тем не менее, мы не можем не отметить тот вклад, который сделал Э. Гидденс для развития альтернативного по сравнению с классическими решения проблемы структуры/агентности, где отношения между ними предлагается понимать как отношения взаимовлияния и взаимоконституирования. Частные вопросы, связанные с основными положениями теории морфогенеза или направления критического реализма мы относим в вопросам дискуссии, которые по этой причине не были затронуты в рамках данной работы. Безусловно, тема, поднятая здесь, имеет не только теоретический, но и значительный дискуссионный потенциал. Это лишь увеличивает уверенность автора в том, что актуальность выбранной темы позволит продолжить исследования в подобном направлении, как теоретические, так и эмпирические.

Заключение

Здесь мы бы хотели вернуться к исследовательскому вопросу, сформулированному во введении. Тогда мы спрашивали о том, в какой степени можно говорить о социологической теории, использующей в качестве своей основы базовые положения направления критического реализма, как об общей социологической теории. Проведя глубокий анализ оснований критического реализма, имеющего корни в трансцендентальном реализме британского философа Р. Бхаскара, мы убедились, что основные положения этого направления позволяют удовлетворительно справиться с базовыми ограничениями классических подходов к решению проблемы структуры/агентности. На обширном теоретическом материале мы показали, что в рамках социологии разработки Р. Бхаскара были восприняты, в целом, позитивно и стали исходным пунктом для составления соответствующих теорий. В качестве основных конкурентов на этом поле были выделены теория структурации Э. Гидденса и теория морфогенеза М. Арчер. Данные авторы схожи в том, что оба критикуют классические подходы к решению проблемы структуры/агентности, согласно которым структура или абсолютно доминирует над агентности, или происходит обратный процесс. Пройти между индивидуализмом и холизмом на данный момент представляется возможным при условии, что будет принят тезис о взаимовлиянии и взаимоконструировании структуры и агентности. По этому пути Э. Гидденс и М. Арчер, тем не менее, прошли по-разному, продемонстрировав нам теоретический потенциал данной позиции. Проведя, в общей сложности, два сравнительных анализа обеих теорий на протяжении данной работы, мы убедились в том, что теория морфогенеза выбрала более корректный путь, который позволяет ей достичь гармонии онтологии и методологии. Этот путь, во-первых, предполагает аналитическое разделение структуры и агентности с

наделением структуры первичным статусом в этой паре. Такой прием позволяет М. Арчер разделять процесс взаимодействия структуры и агентности на исследовательские фазы и в принципе говорить о развитии и структуры, и агентности. Во-вторых, М. Арчер основательно ввела в социологический дискурс концепт эмерджентности. Это нововведение позволяет исследователю обзавестись критерием трансформации социальной структуры и агентности. Такой аналитический критерий является существенным инструментом для изучения социальной реальности. Эти два столпа, на которых стоит теория морфогенеза, обеспечивают ей значительное покрытие основных вопросов социологии, что говорит о правомерности претензии теории М. Арчер, которая опирается на основные положения критического реализма, на то, чтобы называться общей социологической теорией.

Безусловно, проделанная здесь работа не претендует на то, чтобы считаться окончательным исследование по данной теме. Напротив, она призвана приоткрыть исследуемое направление и продемонстрировать его теоретический потенциал. В рамках разработанной темы многое еще предстоит сделать, несмотря на то, что многое уже сделано. И Р. Бхаскар, и М. Арчер разделяют позицию, согласно которой их теории не являются конечным продуктом, но должны развиваться вместе с обществом. Такой подход предлагает сторонникам критического реализма гибкость при изучении общества. Порой, именно этой теоретической гибкости не хватало многим социологическим теориям для того, чтобы преодолеть возникшие ограничения. Однако не стоит считать, что подобная гибкость ведет к желанию авторов, в случае чего, поменять базовые посылки и уйти от критики. Основные положения призваны быть несокрушимым фундаментом, разработки на основе которого и будут обладать описанной гибкостью. Предусмотрительный фундамент в виде гармонии онтологии и методологии, созданный М. Арчер, позволит, по нашему мнению, в значительной степени продвинуться в изучении общества.

Список использованной литературы

1. *Арчер, М.* Реализм и морфогенез / Перевод с английского Оберемко О. А.; научный редактор перевода Филиппов А. Ф. // Социологический журнал. — 1994. — № 4.
2. *Вахштайн, В.* «Практика vs. Фрейм: Альтернативные проекты исследования повседневного мира» // Социологическое обозрение №1 том 7, 2008
3. *Давыдов, Ю.Н.* История теоретической социологии. Социология второй половины XX – начала XXI века. Учебное пособие. – М.: Академический проект, 2010
4. *Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю.* Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., дополненное. - М.. — 1996.
5. *Тощенко, Ж.* Редакционная статья // Социологические исследования, №7. 2014
6. *Archer, M.* Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach, Cambridge University Press, Cambridge, 1995
7. *Archer, M.* Culture and Agency: The Place of Culture in Social Theory, Cambridge University Press, Cambridge, 1988
8. *Bertillon, M.* The Theory of Structuration: Prospects and Problems / A. Giddens: Critical Assessments / Ed. By C. Bryant, D. Jary Vol. 1. L.: Routledge, 1988
9. *Bhaskar, R.* A Realist Theory of Science. New York: Routledge, 2008
10. *Bhaskar, R.* Reclaiming Reality. London: Verso. 1989

11. *Bhaskar, R.* The Possibility of Naturalism. London: Routledge, 1979
12. *Giddens, A.* Central problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis. London: Macmillan, 1979
13. *Giddens, A.* New Rules of Sociological Method: a Positive Critique of interpretative Sociologies. London: Hutchinson. 1976
14. *Giddens, A.* The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. Cambridge: Polity Press, 1984